



А. Н. МОЛЧАНОВЪ

ПО РОССИИ

ИЗДАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ А. ИЛЬИНА



А. Н. МОЛЧАНОВЪ.

---

# ПО РОССИИ.

---

ИЗДАНИЕ

КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ А. И. ТЫНА.

---

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке).

Фонтанка, № 99.

1884.

III. Ростовъ-на-Дону.—Его торговля.—Какъ мужикъ продаетъ свой хлѣбъ.—Барышники и ихъ мошенничества.—Пришлый народъ.—Босой батальонъ.—Полиція.—Переселенцы и ихъ печальная эпопея.—Что находить въ Ростовѣ пришлый рабочій?—Санитарная обстановка ихъ.—Что можетъ сдѣлать для нихъ городъ?—Дума.—Коронная администрація . . . . .	363
IV. Въ уѣздѣ.—Земледѣліе.—Дворянцѣ, кушечѣ, еврей и мужикъ.—Банки.—Земство и его безсиліе бороться разрозненными силами противъ російскихъ бѣдъ.—Школы . . . . .	372
V. Донскія гирлы . . . . .	379
VI. Таганрогское градоначальство.—Исторія Таганрога.—Прекрасное распоряженіе Екатерины II.—Положеніе рабочаго.—Земля.—Море.—Каботажъ.—Торговля хлѣбомъ.—Ростовъ и Таганрогъ.—Непроизводительные расходы города.—Жители Таганрога . . . . .	382

### По Кавказу.

I Въ Черноморскомъ округѣ.—Новороссійскъ, его дороги и портъ.—Табакъ.—Заводы нефти и цемента.—Что значить—нѣтъ ни дорогъ, ни портовъ?—Имѣніе г. Каткова.—Чехи.—Переселенцы.—Безполезность и убытки мѣстныхъ удѣльныхъ имѣній.—Абрау.—Недомысліе . . . . .	390
II. Сухумъ.—Видъ города и пустота его.—Домикъ г. Михайловскаго.—Г. Черныавскій.—Растительность.—Нищета города.—Вторженіе турокъ и послѣдующія коммисіи по оцѣнкѣ городскихъ убытковъ.—Русскіе городскіе поселенцы.—Земля и туземцы.—Пожалованіе земель.—Ублаженіе мѣстнаго дворянства.—Хищеніе природныхъ богатствъ.—Санитарные участки.—Переселенцы.—Кража скота.—Убогость земледѣлія.—Что предпринять для умиротворенія и цивилизаціи этого дикаго края? . . . . .	397
III. Въ Сухумской области.—Величина ея.—Переселенцы греки.—Обращикъ гостепріимства области.—Дорога русскаго переселенца и приключенія его.—Отводъ земли.—Смертность.—Административная апатія . . . . .	408
IV. Батумъ.—Воровство городской земли.—Чиновники и простые переселенцы.—Какъ мы цивилизуемъ туземца.—Значеніе русскаго человѣка.—Порча туземца.—Porto-franco.—Ростъ города.—Таможенные порядки и контрабанда.—Примѣръ на фруктахъ.—Портъ.—Нефтяная торговля.—Желѣзная дорога.—Климатъ и осушеніе болотъ.—Санитарная будущность черноморскаго кавказскаго берега . . . . .	412
V. Въ Батумской области.—Видъ русскаго поселка.—Мужичья обида.—Тяжелые дни колоніи.—Пособіе казны.—Какъ живутъ поселенцы.—Лихорадки.—Отношеніе къ нимъ туземцевъ.—Подарокъ недосытаемыхъ домовъ.—Г. Смѣкаловъ . . . . .	425

### Въ Прибалтійскомъ краѣ.

I. Путешествіе въ Ревель.—Качка и паціональные характеры.—На палубѣ.—Ревельскій портъ.—Нѣмецкія гостиницы.—Дворецъ и паркъ.—Морскія ванны.—Курзалы.—Екатериненталь и Слободка.—Планъ Петра I.—Ревель.—Вышградъ . . . . .	432
II. Видъ моря.—Ревельская бухта.—Маяки.—Мѣстный полуэкипажъ.—Вопросъ о гавани.—На бровеносцѣ.—Пальба.—Учебная эскадра.—На „Аскольдѣ“.—Морское училище . . . . .	441
III. Видъ края для поверхностнаго наблюдателя.—Какъ управляется край.—Мѣстная интеллигенція.—Наша взаимная антипатія.—Земельная культура.—Пасторъ и школа.—Положеніе русскихъ.—Эстонцы и латыши.—Суды.—Нѣмцы.—Администрація . . . . .	450
IV. Положеніе остзейскихъ крестьянъ.—Земля.—Талеры.—Аграрный вопросъ края . . . . .	464

## НА КАВКАЗѢ.

---

### I.

#### Въ Черноморскомъ округѣ.

Кубанскіе казаки смѣются: „эхъ-ма, у насъ ни одной станицы нѣтъ такой плохой, какъ вашъ городъ Новороссійскъ!“ И дѣйствительно, городокъ ничтожный, но онъ великъ тѣмъ, что онъ единственный русскій городъ на Кавказскомъ побережьи Чернаго моря. Имя у него русское, жители его въ большинствѣ русскіе и кругомъ, во всемъ Черноморскомъ округѣ, котораго Новороссійскъ—губернскій городъ, есть много русскихъ мужиковъ, купцовъ и землевладѣльцевъ. Здѣсь Русью пахнуло давно въ администраціи и совсѣмъ тутъ незамѣтны длинныя носы и низкіе лбы кавказскихъ аборигеновъ, украшенныхъ свѣтлыми пуговицами или погонами. У города географическое положеніе завидное—онъ представляетъ естественный выходъ въ море для неистощимаго богатства сосѣдней Кубанской области; его заливъ великъ, глубокъ и рисуетъ прекраснѣйшую обширную пристань. Одного недостаетъ росту Новороссійска—рукъ еще не приложено къ созданію изъ него богатаго складочнаго пункта и многолюдной гавани. Дороги лишь числятся на картахъ, но въ дѣйствительности такъ дурны, избиты и грязны, что ѣздить по нимъ съ рискомъ утонуть или завязнуть, платя за подводы баснословныя цѣны. По главному тракту на Екатеринодаръ нѣсколько мѣсяцевъ сряду почта задерживается, а храбрые люди ѣздить на лодкахъ, вспоминая о всемірномъ потопѣ при видѣ торчащихъ изъ воды кончиковъ верстовыхъ столбовъ. Постройка желѣзной дороги на Новороссійскъ рѣшена въ принципѣ высшимъ правительствомъ, но отъ принципа до исполненія разстояніе бываетъ иногда очень большое. А въ теченіи этого разстоянія дѣлаются всевозможныя сокращенія по расходу на колесныя дороги — „зачѣмъ, молъ, тратить, когда чугунка черезъ сто лѣтъ пойдетъ здѣсь!“ Есть, го-

ворять, и не малое число лицъ, хлопочущихъ объ этой рельсовой линіи. Казна желаетъ отдать ее обществу ростово-владикавказской дороги, полагая, что такъ будетъ выгоднѣе, ибо новая линія, навѣрно доходная, станетъ хоть немножко покрывать дефициты второй, нынѣ уплачиваемые казеннымъ чистоганомъ. Но тутъ представляется дилемма, очень затруднительная для рѣшенія: если проложить рельсы до Новороссійска, то придется перестраивать ростово-владикавказскую дорогу, иначе она окажется не въ силахъ служить новой дѣятельной вѣтви. У частныхъ лицъ другое желаніе, чѣмъ у казны: они охотно предоставляютъ государству платить убытки владикавказской дороги, а путь на Новороссійскъ предлагаютъ построить на собственныя капиталы, безъ гарантій, чтобы безконтрольно класть въ карманъ вѣрные барыши. Будемъ ждать и увидимъ, кто кого побѣдитъ въ будущемъ сраженіи интересовъ. Относительно порта также все рѣшено въ принципѣ еще 10 лѣтъ тому назадъ. Въ 1873 году была образована коммисія изъ опытныхъ инженеровъ и моряковъ, очень добросовѣстно изслѣдовавшая всѣ естественныя порты Черноморскаго округа и серьезно обсудившая искусственныя сооруженія, долженствующія быть возведенными... также, вѣроятно, черезъ сто лѣтъ. Изъ четырехъ—Анапы, Туапсе, Новороссійска и Челенджика, они признали послѣдній портъ наилучшимъ, а Новороссійскъ однимъ изъ лучшихъ. Въ іюнѣ 1874 года протоколы и рѣшенія этой коммисіи посланы въ министерство путей сообщенія, и затѣмъ министръ самъ лично взглянулъ окомъ моряка. Казна, конечно, заплатила десятки тысячъ, если не сотни, за всю эту увертюру, но вотъ уже десять лѣтъ и результата никакого. По очертаніямъ, заливъ Новороссійска представляетъ великолѣпную пристань. Выходъ въ море не широкъ, кругомъ горы. Но это гавань съ очень оригинальнымъ недостаткомъ: чаще зимой съ горъ спускается такой сильный сѣверозападный вѣтеръ съ морозомъ, что большая часть залива обращается въ океанъ брызгъ, въ мгновеніе леденѣющихъ. Брызги, набрасываясь на судно, быстро покрываютъ его такимъ количествомъ льда, что судно идетъ ко дну. Такъ погибло здѣсь на глазахъ всего города въ 1848 г. военное судно „Струя“, а съ нимъ 52 человѣка команды. Но, говорятъ, что возлѣ горъ, откуда дуетъ этотъ ужасный вѣтеръ, стоянка безопасна. Горе пристани есть уже горе и города, и окрестностей его. Холодный вѣтеръ губитъ растительность, не позволяетъ цвѣсти плодовымъ деревьямъ и морозитъ виноградъ. Но, несмотря на отсутствіе дорогъ и опасность гавани, Новороссійская бухта не пустуетъ; въ ней въ теченіи года бываетъ до тысячи судовъ и оборотъ ея достигаетъ до 3 милліоновъ рублей. И вотъ что достойно вниманія: во первыхъ, привозъ изъ Россіи здѣсь почти вдвое больше привоза изъ заграницы (615 и 395 тыс. руб.), вовторыхъ, вывозится отсюда въ Россію на 480,000 руб., а заграницу всего на 5,440 руб. Такимъ образомъ, кажется очевиднымъ,

что, построивъ сюда желѣзный путь и снабдивъ Новороссійскъ портомъ, мы сдѣлаемъ это для обогащенія всей Черноморской и Кубанской области, а не для того, чтобъ „кормить нѣмца дешевымъ русскимъ хлѣбомъ“, какъ выражается г. Шавровъ въ своей послѣдней брошюрѣ, а главнымъ образомъ для удобства вывоза отсюда въ Россію же. Важнѣйшій продуктъ вывоза въ отечество—табакъ. Онъ играетъ здѣсь такую же роль, какъ рыба въ Астрахани. Для посадки и уборки его въ край являются тысячи пришлыхъ работниковъ, по преимуществу турки и греки изъ Анатолиі; везутъ въ повозкахъ на плантаціи на подобіе сельдей въ боченкѣ дѣтей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ окрестностей: платятъ за работу по 2, 3 рубля въ день, угощаютъ рабочихъ водкой, музыкой и всевозможнымъ развратомъ. Десятина табака даетъ до 300 руб. чистаго барыша. Табакъ сушатъ въ листахъ и, упаковывая въ десяти-пудовые ящики, продаютъ гуртомъ. Законъ дозволяетъ лишь табачнымъ фабрикантамъ покупку листового табака. Это запрещеніе отбираетъ у плантаторовъ миллионы барышей, перекладывая ихъ въ карманы фабрикантовъ караимовъ, грековъ и армянъ. Судите сами: ничтожное количество легальныхъ покупателей платитъ табакопроизводителю за пудъ отъ 1 до 18 рублей, никогда дороже; рѣзка листовъ обойдется рублей 5, бандероль рублей 20, а продаетъ онъ среднюю цѣной по полтора рубля за фунтъ, т. е. беретъ чистаго барыша навѣрно больше ста процентовъ, или по 30 руб. за пудъ, въ три раза больше, чѣмъ онъ платитъ среднюю цѣной производителю. По этому поводу я невольно вспоминаю другой расчетъ: въ Астрахани ловецъ получаетъ за пудъ икры 15 рублей, а въ Москвѣ рестораторъ беретъ 720 руб. за пудъ съ потребителя. Неужели умъ человѣческій такъ слабъ, что не можетъ выдумать болѣе честнаго, справедливаго и полезнаго распредѣленія платы за трудъ?

Новороссійскъ богатъ и заводскою дѣятельностью. Два большихъ завода, давно уже пріобрѣтшихъ громкую извѣстность, стоятъ на берегу здѣшняго залива. Первый нефтепроводъ проложенъ именно въ Новороссійскѣ. Узкая чугунная труба тянется зигзагами по горамъ на 80 верстъ въ ближайшій нефтяной источникъ Кубанской области; три паровыя помпы, устроенныя на разныхъ дистанціяхъ, помогаютъ нефти проходить горы и долины, а громадные резервуары на берегу новороссійской гавани принимаютъ ее. Лѣтомъ нефть течетъ свободно — узкая трубка можетъ влить въ резервуаръ каждые сутки тысячи пудовъ. Но зимой нефть упрямится, густѣетъ и двигается очень медленно. Изъ главнаго резервуара также по трубѣ и при помощи помпы нефть переходитъ въ гигантскій чанъ, гдѣ нагрѣвается до 300° и кипитъ; чистый керосинъ вылетаетъ изъ нея паромъ, сгущается въ другой трубѣ, охлаждаемой въ богатырской ваннѣ, и течетъ прямо на пристань, гдѣ стоитъ лишь отворить кранъ, чтобъ налить въ нѣсколько часовъ самый крупный пароходъ.

Къ сожалѣнію, заводъ этотъ терпитъ внутреннія неурядицы: содержатель его, американецъ, спорить съ французскою компаніей, давшей ему деньги, и пока еще нѣтъ у завода своихъ керосинныхъ пароходовъ, безъ которыхъ большой вывозъ здѣсь немыслимъ. Морской тарифъ на Черномъ морѣ безобразно высокъ; русское общество и Родоконаки полные хозяева тарифа пароходнаго, а русскаго каботажа нигдѣ нѣтъ, греки же и турки взимаютъ за грузъ въ 500 пудовъ 150 рублей на разстояніи отъ Сухума до Батума. Этимъ же горемъ страдаетъ другой здѣшній прекрасный цементный заводъ. Эксперты уже давно признали новороссійскій цементъ однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ. Имитація природѣ, какъ извѣстно, никогда не достигаетъ совершенства. А здѣсь цементъ сдѣланъ самимъ Творцомъ и положенъ Имъ не въ глубинахъ горъ, а безконечными жилами почти на самой поверхности, такъ что для добыванія его не надо ни шахтъ, ни подземелій. Расчистятъ землю лопатой и киркой на аршинъ и выбираютъ дорогой камень. Насыплютъ имъ огромную печь, перемѣшаютъ его съ антрацитомъ, и не надо тратить великія деньги на это дорогое топливо—здѣшній камень самъ пропитанъ нефтью и самъ помогаетъ горѣнію. Перегорить, его разобьютъ машиной на мелкія части, смелятъ паровыми жерновами, просѣютъ сквозь гигантское сито, закупорятъ въ бочку и продаютъ на мѣстѣ по 50 коп. за пудъ. Природа оказываетъ этому производству всѣ удобства: рядомъ съ жилами обыкновеннаго цемента медленно стынушаго, она положила жилки еще болѣе цѣннаго камня изъ котораго выдѣлывается цементъ быстросохнущій, которымъ напр. корабли замазываютъ свои дырья при аваріяхъ. Заводъ производитъ здѣсь нѣкоторые опыты новаго употребленія цемента. Самымъ удачнымъ изъ нихъ признается устройство цементныхъ крышъ, причемъ этотъ составъ клали на соломенную кровлю. Крыша оказалась не только непромокаемою, но и гораздо прочнѣе желѣзной. Въ одну изъ буръ желѣзныя кровли завода были снесены или попорчены, а цементная осталась цѣла и невредима.

Чудная въ самомъ дѣлѣ эта страна—на сотни верстъ тянется по голубому морю зеленый берегъ, полный восхитительныхъ видовъ, а нѣтъ ни одного пристанища на немъ въ самую маленькую волну, нѣтъ ни одной дорожки на самомъ берегу. Что значитъ—нѣтъ ни дорогъ, ни портовъ? Значитъ, что нѣтъ ни суда, ни власти, ни торговли. Но этотъ отвѣтъ забывается тѣми, которые живутъ на желѣзнодорожныхъ путяхъ, и они доносятъ по всѣмъ инстанціямъ: „русское поселеніе не прививается даже къ той сѣверной окраинѣ Кавказа, которую занимаетъ такъ называемый Черноморскій округъ“.

Смѣло по глубокому убѣжденію отвѣчаю, что выводъ этотъ несправедливъ. Тамъ, гдѣ есть какая-нибудь возможность жить—русское поселеніе живетъ, обживается, доказываетъ во-очію, что можетъ богатѣть.

и само говорить, что тутъ на теплѣ юга лучше ему, чѣмъ на сѣверномъ морозѣ.

Доказательства близки. Любезный сотникъ даетъ казака и лошадь, рано утромъ мы выѣзжаемъ изъ Новороссійска и, лавируя среди гигантскихъ ямъ и болотъ на большомъ трактѣ, мчимся вдоль отъ берега изъ одного ущелья въ другое, гдѣ расположены разныя селенія.

Верстахъ въ 20 отъ Новороссійска въ прелестномъ ущельи, рядомъ съ нѣсколькими ченскими и греческими поселками, въ верстѣ отъ удѣльнаго имѣнія Абрау съ восхитительно-чуднымъ горнымъ озеромъ, лежитъ имѣніе М. Н. Каткова, состоящее изъ тысячи десятинъ, нѣсколько мѣтъ тому назадъ купленное у графа М. Т. Лорисъ-Меликова за 25 тысячъ рублей. Тутъ природа приготовила все для того, чтобъ человѣкъ могъ получить сторицей за свой трудъ и рубль, положенные въ землю. Ущелья и возвышенности защищаютъ отъ вѣтровъ; горный грунтъ такъ хорошъ для нѣкоторыхъ сортовъ винограда, что по сосѣдству мѣстный агрономъ г. Гайдукъ производитъ вино рислингъ, оцѣненное во Франціи знатоками по 8 франковъ за бутылку, т. е. дороже 3 рублей; въ сосѣднемъ же Абрау выдѣлывается лафитъ, смѣло могущій поспорить съ лучшимъ и самымъ дорогимъ краснымъ виномъ окрестностей Медона и Бордо; поляны, орошаемыя ключевой водой, покрыты дикими плодовыми деревьями, просятъ только маленькой заботы и культуры, чтобъ отблагодарить за нихъ роскошнѣйшими фруктами. Кромѣ того, черезъ имѣніе г. Каткова проходитъ колесная дорога, что на Кавказѣ составляетъ одно изъ исключительныхъ удобствъ и выгодъ положенія. И все-таки графъ Лорисъ-Меликовъ продалъ землю не особенно дешево. Лежащая рядомъ земли гг. Пиленко, Никифораки, Пенчула и проч., также пожалованныя, почти не приносятъ дохода, не могутъ сыскать покупателя и глядятъ до сихъ поръ дикимъ пустыремъ. Въ Черноморскомъ округѣ и на самомъ берегу моря можно купить по 10—20 рублей десятину некультивированной и по 50—60 рублей десятину обработанной земли. Продавцовъ много, а покупателей нѣтъ. Никто почти не соблазняется этимъ роскошнымъ сосѣдствомъ моря и горъ, гдѣ тысяча рублей могла бы дать труженику лучшее въ мірѣ мѣсто для отдыха, собственную дачку, собственный садъ, собственный виноградъ и собственные фрукты юга... Имѣніе г. Каткова также въ полузабвеніи у его хозяина. Маленькая избушка управляющаго чеха—вотъ и всѣ постройки на тысячѣ десятинъ; молодой плодовый садъ на 25 десятинахъ, да сдача земли сосѣднимъ поселенцамъ за 30—40 рублей за десятину подъ табакъ—вотъ и все хозяйство имѣнія. Но и такая бѣдность въ здѣшнемъ краѣ сравнительно богатство въ настоящемъ и дѣйствительное богатство въ близкомъ будущемъ. Теперь фруктовый садъ г. Каткова на 25 десятинахъ едва-ли не самый обширный по пространству на всемъ кавказскомъ



черноморьѣ: на всѣхъ 17 тыс. десятинъ удѣльнаго вѣдомства и на всѣхъ 25 тыс. десятинъ пожалованныхъ даромъ разнымъ лицамъ, въ Черноморскомъ округѣ нѣтъ ни одного такого обширнаго сада, какъ у г. Каткова. Правда, что заведеніе и постоянные то дренажъ, то орошеніе сада стоятъ не дешево, но, какъ мнѣ рассказывали, садъ черезъ пять-шесть лѣтъ обѣщаетъ давать болѣе пяти тысячъ рублей ежегоднаго чистаго дохода. Скромный управляющій чехъ встрѣтилъ меня очень радушно и, угощая хлѣбомъ съ виномъ, спрашиваетъ:

— Будете въ Москвѣ, не увидите ли, ради Бога, съ Михаиломъ Никифоровичемъ?

— Не знаю, можетъ быть...

— Ахъ, пожалуйста... Расскажите ему, какое здѣсь чудное мѣсто.. вѣдь это прелесть, богатство, кладъ...

— Да развѣ онъ самъ никогда не былъ здѣсь?

— Никогда! И купилъ заочно и до сихъ поръ ни разу не заглянулъ. Приѣзжали его дѣти... но вѣдь хозяинъ онъ. Пишу ему, пишу... есть дѣла спѣшныя, а отвѣта или совѣтъ не получаю, или отвѣтъ приходитъ черезъ полгода, даже черезъ цѣлый годъ бывало... Ради Бога, если увидите...

Г. Старосельскій, начальникъ главнаго управленія на Кавказѣ, въ своемъ отчетѣ 1881 г. его высочеству намѣстнику о ревизіи Черноморскаго округа отзывается о садѣ г. Каткова, какъ объ образцовомъ для всего округа. Лучшія свободныя мѣста здѣсь заняты чехами: лѣтъ двадцать тому назадъ мѣстная администрація носила славянофильскій отпечатокъ и выписывала въ свой край заграничныхъ братьевъ по крови. Чехамъ давались лучшія земли, очень солидныя пособія, за ними ухаживали, ихъ лечили, ну, и точно, теперь эти братья благоденствуютъ. Недавно ихъ заставили принять русское подданство. Русскому языку они научились довольно хорошо и теперь нерѣдко вступаютъ въ брачное родство съ русскими. Между чешскими есть и русское поселеніе—Борисовка. Кругомъ каменные горы, земли, годной для запашки, мало. Переселенцы изъ разныхъ губерній, по преимуществу изъ Курской, Харьковской и Полтавской, т. е. степняки. Сначала всѣмъ было имъ довольно трудно на непривычномъ мѣстѣ. Горы мѣшали сохѣ и глазу, давили умъ и взглядъ. Большинство бросило пашню и отдалось постороннимъ заработкамъ—труду на табачныхъ плантаціяхъ, извозу и пр. Эта работа и болѣе легкая, и болѣе занимательная, чѣмъ земледѣліе; она всегда отнимаетъ у сель крестьянъ, по характеру болѣе живыхъ и неимѣющихъ дома власти, задерживающей отъ разгула на сторонѣ. Но вотъ по сосѣдству греки занимаются табакомъ, чехи виноградомъ; видятъ мужики, что это много выгоднѣе хлѣбнаго дѣла, что негодныя для ржи и пшеницы каменные горы—прекрасныя мѣста для лозы, что топкія

пашни, непривѣтливая для озими и ярового—даютъ чудесный табакъ. Долго присматривались и примѣнялись русскіе поселенцы, а потомъ и сами начали пробовать, но очень осторожно: этотъ годъ  $\frac{1}{8}$  десятины заведутъ виноградника,  $\frac{1}{8}$  табаку, на будущій годъ еще по  $\frac{1}{4}$  десятины того и другого. Въ началѣ трудно было имъ и примѣниться къ обработкѣ вновь полученнаго плода: виноградъ или зеленъ, или подсохъ; табакъ переросъ или отсырѣлъ. Но сметка у русскаго человѣка быстрая: первые годы продавали свой табакъ по рублю за пудъ, а теперь и за 15 руб. купцы берутъ у нихъ съ охотой. Также завелъ въ одномъ изъ здѣшнихъ уѣздовъ желѣзнодорожный тузъ-баронъ плодовой садъ. Русскіе поселенцы работали поденно подъ наблюденіемъ ученаго садовника, воротились домой и начали себѣ разводить также фруктовые сады. Вотъ какъ велика сила примѣра. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ научить безграмотнаго человѣка, кромѣ его глазъ и рукъ, пущенныхъ на новую работу?

Бюрократы, не задумываясь, берутъ русскаго крестьянина, привыкшаго изъ поколѣнія въ поколѣніе поддерживать лишь соху по ровной степи лѣтомъ и спать на печкѣ длинную зиму, видѣвшаго только рожь и овесъ, берутъ, садятъ на гору среди пустырей, подъ южное солнце и дивятся, печалуются: „ахъ, русскіе не годятся для колонизаціи Кавказа!“ А еслибы тутъ, въ этомъ благодатномъ природой Черноморьѣ, были дороги, были заведены хоть кой-гдѣ образцовыя фермы—увидѣлъ бы міръ, какъ быстро умѣетъ учиться новому, какъ быстро умѣетъ богатѣть русскій крестьянинъ. А теперь нельзя же его винить, если, придя изъ Новгорода на Кавказъ, онъ срубаетъ лимонныя и апельсинныя деревья для топки въ печи. Устройство образцовыхъ фермъ диктуется очевидною необходимостью и самою природой вещей, если можно такъ выразиться. Напримѣръ, русскаго сельскаго люда въ Черноморскомъ округѣ не наберется и 3 тыс. душъ; казенной пустой земли мало, да кромѣ того земли, отведенной для удѣльнаго вѣдомства, почти 20 тыс. десятинъ. И онѣ стоятъ нетронутыя культурой. Такъ, въ Абрау изъ 7,230 дес. обработано подъ садъ и виноградникъ всего  $15\frac{1}{2}$  дес.; въ Вардоне изъ 6,700 дес.—культивировано 15 дес.; въ Дагомысѣ изъ 2,528 дес.—18 дес. и т. д. А между тѣмъ, администрація самая бюрократическая и имѣнія приносятъ значительный убытокъ. Я посѣтилъ только Абрау, гдѣ любовался на громадный погребъ съ двумя боченками вина, на массу домовъ и построекъ, такую массу, что въ нихъ навѣрно можно посадить фруктовыхъ деревьевъ и лозъ ровно столько же, сколько поставлено во всемъ обширномъ имѣніи. Мнѣ рассказывали, что одинъ Абрау приносить удѣламъ ежегодно до 10,000 руб. убытка. Не лучше-ли и для казны обратить эти убыточные земли на пользу населенія, сдѣлавъ ихъ образцовыми фермами и заселивъ кругомъ новыхъ русскихъ посе-

ленцевъ? Если эти поселенцы будутъ платить только по гривеннику за десятину, и то убытокъ замѣнится барышемъ.

Любо посмотрѣть на русскаго крестьянина, освоившагося съ почвой и плодомъ южнаго края! Онъ положительно цвѣтетъ взглядомъ, мыслью и тѣломъ. Съ пыльной улицы его изба уходитъ въ тѣнь обширнаго двора, превращеннаго въ фруктовый садъ; въ немъ семья подѣлилась по разнымъ домамъ лишь для спокойствія домашняго очага, но работа въ полѣ и на горахъ, кони, корова, овца и птица—все общее. Старику-дѣду построена маленькая хатка-особнякъ съ желѣзною печкой, потому что „старыя кости паръ любятъ“, а живетъ семья подъ его началомъ, какъ въ старое, хорошее время. И старикъ хранить въ себѣ завѣтъ стараго, умнаго опыта. Подростки, напр., почти не работаютъ: чуть увидить дѣдъ на юномъ челѣ потныя капельки, и кричить: „Петро, иди домой, будетъ!“ Отцы иной разъ въ споръ вступаютъ: „чего ему домой, пусть помогаетъ“, а дѣдъ кротко рассказываетъ: „не замай мальчика, неха его погуляетъ, заморится—хуже, ростомъ малъ выйдетъ, здоровьемъ не великъ, и безъ его работы Господь поможетъ справимся!“

Да, еслибъ у имѣющихъ въ своихъ рукахъ судьбы русскихъ поселенцевъ на Кавказѣ была хоть капля добраго и умнаго желанія, они могли бы въ одинъ десятокъ лѣтъ превратить весь кавказско-государственный убытокъ въ величайшее богатство русской земли.

## II.

### С у х у м ъ.

Навѣрно и живописецъ не нарисуетъ лучшаго вида, чѣмъ открывающійся изъ этого маленькаго городка видъ на море, окаймленное двадцативерстнымъ изгибомъ горъ съ садами и дачами у подошвъ, видъ на холмы и горы, возвышающіеся сзади Сухума, гдѣ безсчетное число ущелій одно другого краше. Для больного грудью или утомленными нервами Сухумъ—истинный рай. Кругомъ зелень, впереди море, сзади чистый горный воздухъ, тишина жизни, мягкіе контуры окрестностей, чистенькія улицы, маленькіе дома, утопающіе въ массѣ деревьевъ, кустовъ и цвѣтовъ; два-три дня въ году съ температурой ниже минусъ 5 градусовъ, отсутствіе душной жары лѣтомъ, такъ какъ на разстояніи почти каждаго ста сажень по городу течетъ ручеекъ прозрачной горной воды...

Не удивительно-ли, что такое чудное, живописное и здоровое мѣсто, какъ большая часть кавказско-черноморскаго берега, до сихъ поръ не сдѣлалось пунктомъ отдохновенія и реставраціи силъ разныхъ тружениковъ мысли и художества? Тѣмъ болѣе удивительно, что, кромѣ этого

берега, въ Россіи нѣтъ другого мѣста, гдѣ бы средній карманъ могъ такъ легко и дешево, такъ красиво и сладко устроиться, какъ на этомъ прелестномъ берегу. Выстроить домикъ лѣтній и легкій стоитъ не дорого, рублей 150 за комнатку; развести садъ еще легче, потому что благодатныя небо и земля здѣсь гонять вѣточку вверхъ и въ толщю такъ сильно, что черезъ пять лѣтъ малюсенькій черенокъ обращается въ великолѣпное многовѣтвистое дерево. Найти, затѣмъ, жильца, могущаго беречь дачку во время отсутствія—дѣло самое простое и нестоющее ни хлопотъ, ни денегъ. Въ миломъ городкѣ Сухумѣ, окаймленномъ съ одной стороны голубымъ моремъ, съ другой—высокими зелеными горами, теперь свободныхъ мѣстъ больше, чѣмъ застроенныхъ. Нашествіе турокъ и возстаніе абхазцевъ превратили бѣлѣнскій городъ въ груды развалинъ. Черезъ камень на камнѣ вьется дикій виноградъ; изъ пней срубленныхъ плодовыхъ деревьевъ вышли новыя молодыя деревца и ждутъ себѣ новыхъ хозяевъ. Мертвая администрація края долго не будетъ въ состояніи воскресить цвѣтъ города и долго еще мѣста въ немъ будутъ продаваться за баснословно дешевую цѣну. Теперь можно купить городскую землю менѣе чѣмъ по полтиннику за квадратную сажень. И не думайте, что Сухумъ въ самомъ дѣлѣ городъ, т. е. неудобное житіе лѣтомъ для купанья въ морѣ, или длинною прекрасною осенью—для отдыха, или мягкой зимой—для поправленія усталой груди, измученныхъ нервовъ и т. п. О, нѣтъ! Сухумъ только называется городомъ; онъ менѣе городъ, чѣмъ Царское Село, Павловскъ, Сокольники и Петровскій паркъ и болѣе походить на дачное жильѣ, чѣмъ всѣ вышеупомянутыя привилегированныя мѣстности. Въ канавахъ по улицамъ въ Сухумѣ текутъ безчисленные ручейки чистой, какъ кристаллъ, воды, зеленая травка вездѣ окаймляетъ природную мостовую, деревья даютъ обильную тѣнь, море и горы—прохладу, сосѣднія дачи—чудную прогулку; болота и лѣса, до которыхъ рукой подать—охоту на утокъ, бекасовъ, куликовъ, фазановъ, дикихъ козъ и кабановъ. Взявъ туземную маленькую лошадку съ сѣдломъ на цѣлый день за два рубля и карабкаясь съ горы на гору въ окрестностяхъ, не заѣзжая и на десять верстъ отъ городка—можно насмотрѣться на такіе чудные виды и ландшафты, что прелесть этой поѣздки глазъ не забудетъ до гроба. На бульварѣ играетъ музыка, кое-когда устраиваются танцы и пикники. Однимъ словомъ, скучать въ Сухумѣ можетъ только мѣстный, прикованный къ нему человѣкъ, а не пріѣзжій для отдыха и здоровья житель большихъ центральныхъ городовъ, пріѣзжій изъ ихъ однообразнаго вида, пыли, духоты и усиленнаго труда.

Г. Михайловскій, сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“, оцѣнилъ прелесть, удобство и здоровье Сухума. Онъ купилъ на краю города нѣсколько сотъ сажень съ остатками разрушенныхъ построекъ, развелъ великолѣпный садикъ фруктовыхъ деревьевъ, соорудилъ маленький, чистень-

кій, об'ялений домикъ и прїѣзжаетъ въ него ежегодно лѣтомъ для отдыха. Все—земля, садъ, домъ, служебныя постройки и проч. обошлось ему, какъ разсказываютъ, не дороже 2—3 тысячъ рублей. А мѣсто великолѣпное—рядомъ ботанической садъ, обширный и граничащій съ подножьемъ живописной горы „Тропещи“. Отъ моря десять минутъ ходьбы. Родственникъ г. Михайловскаго—мѣстный инженеръ-архитекторъ, живетъ въ этомъ прелестномъ домигѣ и, ухаживая за садомъ, обращаетъ эту дачку въ чудный уголокъ. Почти рядомъ съ домомъ г. Михайловскаго продается мѣсто, еще болѣе красивое, лежащее на пригоркѣ, откуда предъ взоромъ разстлается громаднѣйшій и неописуемо величественный видъ на весь городъ и море, мѣсто въ 8 десятинъ съ готовымъ фруктовымъ садомъ, съ огромнѣйшимъ запасомъ строительнаго матеріала въ полуразрушенномъ замкѣ—все это богатство продается за 3 т. рублей и не можетъ даже за эту баснословно дешевую цѣну найти себѣ покупателя!

В. И. Чернявскій, нашъ извѣстный ученый натуралистъ, почти не покидаетъ Сухума. Тутъ для его наблюденій обильный матеріалъ—ежегодно онъ отправляетъ отсюда въ музеи цѣлые ящики рѣдкихъ животныхъ, птицъ, гадовъ и насѣкомыхъ. Сухумскій воздухъ лечитъ его разстроенное здоровье, а взятый имъ такъ называемый „санитарный“ участокъ земли даетъ ему массу дѣла, хлопотъ и заботъ. Санитарными называются участки земли въ нѣсколько десятинъ близъ города, раздаваемые даромъ съ обязательствомъ культивировать ихъ въ извѣстный срокъ. Г. Чернявскій уложилъ въ полученную имъ землю не одинъ десятокъ тысячъ рублей, но война вырвала съ корнемъ всѣ его предварительныя труды, а убытокъ, причиненный ею, до сихъ поръ не вознагражденъ.

Для хозяина и любителя даровъ природы Сухумъ неисчерпаемый кладъ. Колышекъ плодоваго дерева, воткнутый въ землю, черезъ три года уже приноситъ фруктъ и доходъ; въ пять лѣтъ преобразуется въ настоящее дерево; на открытомъ воздухѣ цвѣтутъ, растутъ и созрѣваютъ чай, апельсинъ, лимонъ, персикъ, слива, груша и яблоко, миндаль и орѣхъ. Роза, камелія, магнолія, рододендра—обращаются въ нѣсколько лѣтъ въ роскошныя деревья; лавра и пальмъ—сколько угодно въ ближайшихъ горахъ. На нихъ же въ дикомъ видѣ растутъ почти всѣ плодовые деревья; стоитъ срубить сучокъ, воткнуть въ землю вашего сада, привить къ нему крохотную вѣтку культивированнаго подобнаго же растенія и черезъ два-три года не оберешься отъ количества плодовъ. Надъ апельсинами ставятъ крышу, подпираютъ ихъ кольями—такъ обильно они обременены массой фруктовъ. Ни о поливкѣ, ни объ орошеніи и думать не надо—влаги вездѣ въ долинахъ и на возвышенностяхъ больше чѣмъ нужно. Въ горахъ есть дикія козы, кабаны, фазаны и куропатки; въ ближнихъ болотахъ бекасы и кулики; на заливчикахъ моря—утки и нырки; въ многочисленныхъ рѣчкахъ—сазаны и форели; подальше въ морѣ—

тысячи уродливыхъ дельфиновъ, предлагающихъ свой дорогой жиръ мѣткому стрѣлку. Въ горахъ и рѣчкахъ богатыя свинцово-серебряныя руды, каменный уголь и остатки генуэзскихъ сооружений, въ которыхъ они промывали чистое золото изъ рѣчного песка. Всего 70 лѣтъ тому назадъ абхазскіе и имеретинскіе князья чеканили свою собственную золотую монету...

Да, золотой во всѣхъ отношеніяхъ край!

А войдите въ городъ и вы увидите поражающее зрѣлище: на одну кое-какъ выстроенную лачужку торчатъ двадцать высокихъ каменныхъ стѣнъ разрушенныхъ домовъ, заросшихъ внутри и снаружи дикимъ виноградомъ; во всемъ городѣ ни одного порядочнаго магазина; длинныя улицы почти заросли травой и на нихъ рѣдкость встрѣтить хоть одного проходящаго или проѣзжающаго человѣка; на площадяхъ пасутся свиньи, коровы и буйволы; тысячи плодовыхъ деревьевъ гибнутъ въ самомъ центрѣ города въ заброшенныхъ и ничѣмъ не огороженныхъ садахъ; въ церкви нѣтъ иконъ; въ городѣ не достанешь ни зелени, ни мяса, ни фруктовъ, ни рыбы, ни дичи, ни масла, ни молока, ни яицъ; нѣтъ даже муки въ цѣломъ сухумскомъ округѣ. Городъ утопаетъ въ нищетѣ и безденежьи... Кругомъ города непроходимое болото, нѣкогда осушенное, съ засорившимися каналами, съ заросшими просѣками, болото, повергающее все населеніе въ невыносимыя лихорадки, хотя края болота почти сходятся съ берегомъ моря, такъ что канавка въ пятьдесятъ аршинъ могла бы спасти обитателей отъ ужасной болѣзни и превратить топъ въ самый лучшій садъ всего Кавказа.

— Какимъ же образомъ, объясните мнѣ, пожалуйста, обращался я къ десяткамъ мѣстныхъ жителей:—этотъ роскошный край превратился въ гнѣздо нищеты и самаго нагляднаго раззоренія?

— Одна причина всему—наша администрація, отвѣчали мнѣ всѣ, безъ исключенія, граждане и жители Сухумской области, всѣ—и чиновники, и торговцы, и поселяне.

Сухумъ—единственная мѣстность русской территоріи, видѣвшая на себѣ врага въ прошлую войну. Турки ворвались въ ея округъ, избалованные туземцы абхазцы немедленно обратились въ ихъ союзниковъ, русское войско, крайне малочисленное, отступило, жители бросали все, даже дѣтей, спасаясь отъ врага. Не турки, а туземцы сожгли городъ, разорили въ немъ все, что могли, вырубилъ всѣ деревья, всѣ кусты, уничтожили весь скотъ, заколовъ и изувѣчивъ его, всѣ сады, огороды и дачи... Но вотъ врагъ ушелъ и жители стали вновь прибывать—ихъ ждали лишь остатки каменныхъ стѣнъ, устоявшіе отъ огня и меча. Всѣ раззорены до тла, но, вмѣсто немедленной помощи, ѣдетъ коммисія оцѣнокъ, коммисія первая, коммисія вторая, коммисія третья, коммисія четвертая и коммисія пятая... Одна цѣнить ваше имущество въ 9 тысячъ, другая въ 7,

третья въ 6, четвертая въ 5 и пятая въ четыре тысячи рублей. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ рапортовъ, отношеній, просьбъ; дѣло проходитъ всѣ кавказскія инстанціи—ихъ же нѣсть числа—всѣ петербургскіе пороги и лишь въ 1880 году полуоканчивается; приказывается выдать Сухумскому округу 350 тыс. рублей съ тѣмъ, что когда онъ застроится на эту сумму, то можетъ снова начать старую длинную пѣсню новыхъ ходатайствъ. По удивительной вышепоясненной оцѣнкѣ, городъ понесъ убытка минимума на миллионъ двѣсти тысячъ рублей, деревни — на 800 тысячъ и казна потеряла въ постройкахъ и запасахъ до пяти миллионъ рублей. Изъ выданныхъ 350 тысячъ жителямъ досталось не болѣе 100 тысячъ. Построились кой-кто, опять оцѣнили и признали, что новаго недвижимаго имущества въ городѣ завелось болѣе чѣмъ на полмилліона; рассчитывая на послѣдующія выдачи, многіе успѣли призанять деньжонки. Опять началось ходатайство, конечно, въ ближайшихъ канцеляріяхъ. Отказали. Подавали прошенія, жалобы—отказъ и отказъ. Одна теперь надежда Сухума—на присяжныхъ повѣренныхъ и на искъ къ казнѣ.

Деревнямъ еще не дали ни копѣйки за раззореніе.

Сухумъ былъ до войны единственнымъ городкомъ Закавказья, богатымъ русскимъ поселеніемъ. Еще съ давнихъ поръ русскіе солдатики при полученіи отставки любили селиться здѣсь на массѣ свободныхъ городскихъ земель; строили дешевые домики изъ дарового обильнаго сосѣдняго лѣса, заводили огороды, птицу, скотину; учились ремеслу, однимъ словомъ, были одновременно и обрусителями города, и самыми полезными его гражданами. Явились они опять въ Сухумъ на свое попелище послѣ войны, дали имъ по 50 рублей за убытки и сказали:

— Братцы, опять селиться въ городѣ не могу пустить васъ; у васъ домики очень малы, не красивы, ступайте за городъ, въ болота...

Заплакали братцы.

— Помилуйте, мы тутъ двадцать лѣтъ жили, стѣны остались, тутъ мѣсто здоровье, сухое...

— Нельзя!

— Смилуйтесь, тутъ наши огороды, земля удобренная, взрытая, готовая!

— Нельзя!

— Весь окончательно городъ, вашество, въ однѣхъ развалинахъ стоитъ, все же какъ ни неказисты наши дома, а жилые вѣдь будутъ!

— Нельзя!

— Вѣдь мы, по праву давности, собственники этой земли...

— Молчать!

Такъ и выгнали русское населеніе города за городъ въ необработанное болото, на жертву лихорадокъ и нищеты, отведя каждому только по 150 кв. саженъ, тогда какъ многіе изъ этихъ „коренныхъ“ граж-

данъ Сухума владѣли вдвое большимъ количествомъ въ центрѣ города. Раззоренные, выгнанные „братцы“ нищенствуютъ, а городу ѣсть нечего, ибо туземецъ еще не умѣетъ заняться ни птицей, ни скотомъ, ни огородомъ, ни ремесломъ.

— Вотъ странное дѣло, замѣтитъ, пожалуй, какой-нибудь петербургскій чиновникъ:—да чего же эти братцы-бараны не жаловались въ судъ на такое очевидное нарушеніе ихъ правъ собственности?

Увы! жалоба для здѣшняго бѣднаго люда невозможна, абсолютно немыслима. Во всемъ Сухумскомъ отдѣлѣ (губерніи) нѣтъ ни одной дороги; единственный путь до ближайшаго окружного суда—море. Надо сѣсть на пароходъ, ѣхать въ Батумъ; тамъ, если море покрыто рейчниками, сидѣть недѣлю въ ожиданіи яснаго неба, потомъ отправиться на другомъ пароходѣ въ Поти; въ этомъ лягушечьемъ городкѣ подождать поѣзда одной желѣзной дороги до номинально кутаисской станціи, на ней перейти въ поѣздъ городской дороги; затѣмъ уже слѣдуютъ обычныя волокиты—адвокаты, расходы и поклоны. Потомъ обратный путь тѣмъ же манеромъ. Здѣсь поистинѣ судъ „за морями и океанами“...

Знаменитый генералъ Евдокимовъ, бывало, покорить черкесовъ, выгонить ихъ и на границѣ побѣдъ тотчасъ построить русскія станицы вольныхъ казаковъ. А нынче времена другія, давно уже другія времена. О „русскомъ“ Кавказѣ мало кто думаетъ, а дѣлаютъ Кавказъ грузинскимъ, армянскимъ, абхазскимъ и т. д. Сухумъ одинъ изъ яркихъ образчиковъ этой новой системы. Въ немъ изъ великаго, еще неисчисленнаго количества земель, только 24,000 десятинъ отведено для переселенцевъ; наибольшее число таковыхъ — оборванцы изъ Турціи породы армянъ и грековъ, а русскимъ досталась пока одна крохотка сухумской земли. За то туземцамъ, бунтовавшимъ въ 54, въ 66 и 77 годахъ, предоставлена чуть не вся территорія области. Но не подумайте, что тутъ ублажается туземецъ-мужикъ—Боже сохрани! Мужикъ абхазцу точно дали общинную землю, но за то самыя лакомые кусочки предоставлены разнымъ кавказскимъ князьямъ и дворянамъ. Такъ даже бывало, что мужикъ - туземецъ съ сотворенія міра жилъ на излюбленной горкѣ, весь свой дворъ испещрилъ могилами предковъ (таковъ здѣсь обычай); забылъ, когда и кѣмъ посажены его многолѣтнія фруктовыя деревья; но въ одно прекрасное утро ему объявляютъ: „убирайся, другъ; это мѣсто князю Назишвили отведено!“ Изъ многочисленныхъ тому примѣровъ укажу на два въ разныхъ округахъ Сухумскаго отдѣла: на селенія Звандрибшъ и Дурибшъ въ Пицунскомъ округѣ (уѣздѣ) и на селенія Отари и Адзюбша въ Очемчирскомъ округѣ. Въ обоихъ болѣе двухсотъ семей были согнаны съ своихъ осѣдлостей въ лѣсъ, ибо ихъ усадьбы были подарены мѣстному дворянству. Для ублаженія послѣдняго изобрѣтены всѣ способы. Однофамильцамъ бывшихъ владѣтельныхъ князей Абхазіи — Шервашид-



замъ отведено болѣе 15 т. десят. лучшихъ земель: одному на рѣкѣ Чумистѣ драгоцѣнный кизилевый лѣсъ, гдѣ каждому дереву цѣна измѣняется сотнями рублей; другому на Киндыхѣ, близъ моря, еще болѣе дорогой „мачтовый“ дубовый лѣсъ, оцѣниваемый знатоками въ миллионы рублей; третьему вся прибрежная полоса почти до Кавказа возлѣ самаго Сухума и т. д. Шервашидзе родственники барона Николаи, управлявшаго всею гражданскою частью на Кавказѣ. Князю Эристову пожаловано въ одномъ округѣ 800, въ другомъ 1,700 десятинъ; Сараджеву 1,000 дес., капитану Витгенштейну 7½ тыс. дес., Кравченко 1½ тыс. дес., Краевичу 1½ тыс. дес., Красницкому 860, Чхотуа 800 и т. д. Не забудьте, что здѣсь считаютъ minimum 40 т. десятинъ прекраснѣйшаго пальмоваго лѣса (букса) и потому инныя десятины надо цѣнить по меньшей мѣрѣ десятками тысячъ рублей. Однимъ словомъ, въ Сухумскомъ отдѣлѣ отдано земледѣльцу 149,000 дес., а привилегированному сословію отведено около 135,000 десятинъ. Послѣдняя цифра увеличивается ежегодно. Уже послѣ войны десятки тысячъ десятинъ разошлись по рукамъ. Да кромѣ того, здѣсь вотъ какія интересныя условія изобрѣтены для укрѣпленія туземнаго привилегированнаго землевладѣльчества: получаютъ отъ казны надѣлы всѣ мѣстные князья (тавады) по 50 десят. на главу и по 25 десят. на члена семейства; всѣ мѣстные дворяне потомственные по 30 десят. на главу и по 15 на cadaго члена семейства; дворяне 2-й степени (и таковыхъ Кавказъ изобрѣлъ!)—по 25 на главу и по 10 на члена. За каждый чинъ, военный или гражданскій, отъ юнкера до штабъ-офицерскаго, туземецъ получаетъ по 10 десятинъ, а выше—по 30 десятинъ; за каждый орденъ, получаемый туземцемъ, ему отводится еще по 20 десятинъ. Повторяю, не мѣняйте кавказскую землю русскою мѣрой; у насъ въ зимней Россіи десятину земли и за рубль купить можно, а здѣсь два примѣра: князю Шервашидзе за тысячу десятинъ лѣса уже теперь предлагаютъ 600 тыс. руб., г. Старосельскому за 10 десятинъ, пожалованныхъ ему въ Баку, даютъ 250 тыс. руб., а онъ проситъ, ни больше, ни меньше, какъ полмилліона. Впрочемъ, туземные финансисты даже безъ громкаго титула умѣютъ тутъ также ловить крупную рыбку. Напр. 300 десятинъ съ великолѣпною, богатѣйшею залежью каменнаго угля въ Сухумскомъ отдѣлѣ „подарили“ армянамъ Караеву и Авалову. Уголь лежитъ въ горкѣ на самой сплавной рѣкѣ, но господа счастливые собственники пока не трогаютъ этого богатства: „теперь—разсуждаютъ они—подарокъ стоитъ одинъ миллионъ, а вотъ проведетъ сюда казна желѣзную дорогу—будетъ стоитъ 5 миллионъ; подождемъ“... Тифлисскіе литографщики Томсонъ и Дюкстердикъ пожелали взять себѣ горку въ 3 т. десят., состоящую сплошь изъ такого литографскаго камня, которому цѣна за одинъ кусочекъ 500 руб. Впрочемъ, они не хотѣли даромъ полу-

чить эту горку—они предлагали казнѣ плату по одной копѣйкѣ за десятину. Это-ли не чудеса Кавказа?

Ну, а если русскій дворянинъ изъ Россіи вздумаетъ здѣсь поселиться? Можетъ; черезъ три-четыре мѣсяца ему отведутъ труппу подъ названіемъ санитарнаго участка въ двѣ десятины, и обязуютъ его контрактомъ въ цѣлый томъ величиной, гдѣ не дозволяется такіа-то растенія сѣять, другія непременно сѣять, такіа-то деревья выкорчить, другія посадить не ближе, какъ на пять сажень другъ отъ друга, виноградъ не разводить и проч. и проч. Если малѣйшее упущеніе совершить—землю отберутъ безъ вознагражденія, а если можетъ раззоряться 10 лѣтъ сряду, то послѣ этого искуса ему выдаютъ на всѣ двѣ десятины данную и крѣпость. Такихъ санитарныхъ участковъ очень много, достаточно для всей Россіи—чуть-ли не цѣлый десятокъ, т. е. почти 20 десятинъ... Два-три охотника сорить деньги и теперь есть, но барышей они не видали еще.

Простой русскій поселянинъ также можетъ явиться въ Сухумъ. Впервыхъ, онъ долженъ не имѣть ни малѣйшей недоимки дома; вторыхъ, самъ переписаться въ область, затѣмъ начать ходатайство. Три-четыре мѣсяца поселенецъ проводитъ подъ открытымъ небомъ въ городѣ, потомъ его посылаютъ подъ открытое небо въ отведенный участокъ. Приведутъ въ дѣвственный лѣсъ, на болота, кругомъ звѣрье, никуда никакой дороги нѣтъ, ни медиковъ, ни аптеки, ни фельдшеровъ не полагается, пособій никакихъ, и говорятъ: „живи и множься!“ Первымъ долгомъ переселенецъ заболѣваетъ гнилою лихорадкой, царствующей на Кавказѣ во всѣхъ дикихъ не культивированныхъ мѣстахъ, точъ въ точъ, какъ въ Бразиліи; помощи ни откуда: во всемъ отдѣлѣ одинъ врачъ. На другой день звѣрь уничтожитъ всѣ его посылы: ни оружія, ни пороха не даютъ русскому; правомъ носить оружіе на Кавказѣ пользуются лишь туземцы; на третій день абхазцы, мингрельцы и имеретинцы украдутъ у него весь скотъ... Переселенецъ не можетъ такимъ образомъ ни землю обрабатывать, ни скота разводить, ни жить. Какъ туземцы безнаказанно и нагло воруютъ весь скотъ у переселенца—вообразить безъ цифръ невозможно. Такъ, въ Очемчирскомъ округѣ, гдѣ всѣхъ жителей считается 2,600 душъ, а переселенцевъ не болѣе сотенъ душъ, въ 3 послѣдніе года украдено болѣе 2,000 лошадей, а о количествѣ украденнаго рогатаго скота и свѣдѣній нѣтъ; кражей скота занимается каждый туземецъ и судить его нельзя, и поймать невозможно. Непрístupныя горы, отсутствіе дорогъ—спасаютъ вора, а боязнь мести и полное отсутствіе гражданственности среди туземцевъ заставляютъ ихъ на судѣ считать свидѣтельское клятвopеступленіе за образецъ чести и осторожности. А между тѣмъ, этотъ дикій народъ судятъ по новому русскому судебному уставу. Оттого, конечно, скотокрадство въ этой странѣ рас-

тетъ въ весьма замѣтной пропорціи со дня введенія здѣсь этихъ непригодныхъ для Кавказа судовъ. Вотъ образчикъ этой пропорціи; въ двухъ участкахъ лошадей крали:

	Въ 1879 г.	1880 г.	1881 г.	$\frac{1}{2}$ 1882 г.
Въ Гудаудскомъ участкѣ . . . . .	12	21	64	78
Въ Самурзаканскомъ участкѣ . . .	304	307	525	620

Безъ скота какое богатство у крестьянина-поселенца? И вотъ, получивъ по 30 десятинъ на душу, поселянинъ чуть не умираетъ съ голода, обрабатывая землю собственной рукой да лопатой. Оттого здѣсь поражаетъ незначительность переселенческихъ запасекъ. Напр., село Николаевское, состоящее изъ 120 душъ, обрабатываетъ лишь 37 десятинъ, Ольгинское, изъ 110 душъ—только 18 десятинъ и т. д. Голодъ и лихорадки морятъ взрослыхъ и уродуютъ юность. Въ селеніи Морьинскомъ въ позапрошломъ году родился одинъ, а изъ 100 душъ рабочихъ умерло 37, въ Александровскомъ родилось 9, умерло 24, въ Георгіевскомъ родилось 9 и умерло 17 и т. д. Русскіе переселенцы молятъ объ одномъ: „пустите насъ, ради самого Христа!“ Но ихъ нельзя отпустить: во первыхъ, надо отписаться отсюда, что требуетъ долгой и великой бумаги, вовторыхъ, что ни говорите, а вѣдь скандалъ—вдругъ всѣ уйдутъ; лучше ужъ пусть всѣ умираютъ—это менѣе замѣтно.

Абхазцы возставали противъ русской власти и русскаго поселенія и въ крымскую кампанію, и въ послѣднюю войну, и въ серединѣ между этими двумя эпохами—въ 1866 году. Каждый разъ ихъ бунтъ сопровождался полнымъ раззореніемъ города, гдѣ русскаго поселенія не мало, бѣгствомъ русскихъ переселенцевъ и пожаромъ ихъ усадебъ. Да и теперь *de facto* военное положеніе продолжается. Вѣдь Сухумскій отдѣлъ частичка русской территоріи, а потому не безынтересно узнать, что же тутъ предпринято для замиренія края, для цивилизаціи его и для его братства съ русскимъ народомъ?

Мы уже знаемъ, что жизнь русскаго переселенца здѣсь обставлена такъ, что, попавъ сюда по ошибкѣ, онъ не уходитъ отсюда лишь потому, что его не отпускаютъ во избѣжаніе огласки и скандала. А между тѣмъ ясно, какъ дважды два—четыре, что безъ русскаго широкаго переселенія на Кавказъ сей послѣдній вѣчно будетъ оставаться притчей во языцѣхъ, кладомъ, приносящимъ милліонныя убытки русскому народу, военнымъ лагеремъ инородческихъ чиновниковъ, вражескою угрозой нашему отечеству и полудикою, отрѣзанною отъ насъ страной. Здѣсь, однако, не рѣдкость услышать о великихъ препятствіяхъ русскому поселенію. Разберемъ ихъ. Говорятъ о губительномъ свойствѣ лихорадокъ. Но (ссылаясь на всѣ отчеты мѣстныхъ врачей) на побережьи Чернаго моря—лихорадки легко устранимы; онѣ гнѣзятся и бьютъ непривычнаго человека въ срединѣ дикихъ ущелій, поросшихъ непроходимымъ дѣвствен-

нымъ лѣсомъ, да на болотахъ, гдѣ маленькая канавка легко могла бы унести въ море всю излишнюю влагу. Зачѣмъ же садятъ здѣсь русскаго поселенца именно на болото? Затѣмъ, если представляется необходимость селить русскихъ непременно на мѣстахъ необитаемыхъ — хотя эта необходимость просто непонятна, ибо еще недавно изъ Абхазіи бѣжали въ Турцію десятки тысячъ туземцевъ — то отчего бы не заставить мѣстное населеніе, довольствующееся одною кукурузиною въ день, коснѣющее въ тунеядствѣ, балующееся разбоемъ и не боящееся никакихъ лихорадокъ, не заставить его приготовить мѣстечко для русскаго мужика, очистить лѣсъ, прорывъ канавки и построить дома? Такая натуральная повинность была бы вполне справедливою, ибо русскій мужикъ несетъ на себѣ въ Россіи массу повинностей, а кавказскій туземецъ — ровно никакихъ: ни дорожныхъ, ибо дорогъ нѣтъ, ни рекрутскихъ, ни обывательскихъ. Тогда русскій человѣкъ не умиралъ бы на кавказскомъ побережьѣ, какъ муха осенью, да и туземецъ научился бы кое-какой работѣ. Затѣмъ, разсуждаютъ, что если давать переселенцамъ надлежащія пособія, въ видѣ хлѣба и зерна, пока у него не завелось своего урожая, плодовыхъ отростковъ для разведенія садовъ, доктора и хины, пока не акклиматизировался, дороги для сообщеній и т. д., то придется тратить ежегодно по милліону рублей. А позвольте спросить, можете-ли вы, гг. кавказцы, рассчитывать на уменьшеніе дефицита въ десятки милліоновъ на Кавказѣ, расходуемыхъ на массу чиновниковъ и войскъ, пока чудная почва Кавказа не покроется достаточнымъ числомъ русскихъ поселеній? Кто безъ нихъ сможетъ разлить здѣсь мирную гражданственность и обезпечить покой? Не масса же войскъ и бюрократія, т. е. десятки милліоновъ дефицита? Понятно, гдѣ выгода... Далѣе, указываютъ на враждебность туземца къ русскому переселенцу, но это указаніе одна шутка. Дикій горецъ, конечно, не можетъ уважать русскаго, когда за убійство сего послѣдняго его только ссылаютъ на пять лѣтъ безъ лишенія княжескаго титула (дѣло объ убійствѣ князьями Шервашидзе и Иналыпа двухъ русскихъ пастуховъ), а за обкрадываніе русскихъ только читаютъ оправдательные приговоры. Но еслибъ здѣсь умѣли любить русскаго человѣка, цѣнить его трудъ и кровь — ручаюсь головой, что въ два-три года туземецъ научился бы чтить въ русскомъ господина Кавказа.

Вотъ какіе жалкіе несостоятельные доводы приводятъ здѣсь противъ возможности и необходимости русскаго переселенія на Кавказъ. До такой степени жалкіе, что невольно возникаетъ вопросъ: нѣтъ-ли тутъ другой логики, секретной и болѣе умной, чѣмъ высказываемая гласно?

Абхазцы не имѣютъ ни собственной грамоты, ни письменности, ни опредѣленной религіи. Они даже шапокъ еще не научились носить.

Но школы есть, населеніе учится охотно, есть миссіонеры и церкви, содержимыя на русскія деньги. Отчего же я встрѣчаю здѣсь такъ рѣдко

знающихъ по-русски? Вотъ тутъ-то и открывается ларчикъ кавказской логики. Оказывается, что абхазцамъ сочинили азбуку только не изъ русскихъ буквъ, а изъ грузинскихъ; что ихъ учать не русскому языку, а грузинскому, столь же непонятному для нихъ и далекому, какъ и русскій, французскій или англійскій, что имъ служить въ церквахъ обѣдни и вечерни только не по-абхазски, не по-русски, а на грузинскомъ языкѣ; что у нихъ всѣ учителя, всѣ священники—грузины, что и благочинный, и епископъ надъ ними—тоже грузины. Не подумайте, что это случайность, одна изъ комическихъ пьесъ, нечаянно выползшая изъ подъ игривой руки какого-нибудь бюрократа. Нѣтъ, это система обдуманная и прямолинейная. Не одни абхазцы грузинируются—бѣдныхъ осетинъ также учать не русскому, а грузинскому языку. Русскій переселенецъ, желающій учиться или молиться, тоже обязанъ знакомиться съ великолѣпнымъ грузинскаго нарѣчія. Мало того, даже суды Кавказа завели повѣстки на грузинскомъ языкѣ и рассылаютъ ихъ не только абхазцамъ, но и русскимъ. Такъ, мнѣ передали здѣсь повѣстку по-грузински, адресованную черноморской казачкѣ Авдотѣ Лысенковой...

Теперь посмотримъ, что предпринято для защиты этой столько разъ разоренной непріателемъ территоріи. Каждое раззореніе стоитъ русской казнѣ милліоны, десятки милліоновъ, прямо вынутыхъ изъ кармана. Впервыхъ, казна должна платить за убытки жителямъ, вновь строить свои казармы и начальственные хоромы, вовторыхъ... при внезапныхъ передрыгахъ и неожиданномъ отступленіи легко, говорятъ, теряются и казенныя суммы, и прихода-расходныя книги... Вы видите, я совсѣмъ уже не считаю убытковъ странѣ отъ застоя дѣлъ при вражескомъ нашествіи или бунтѣ, убытки частныхъ лицъ etc. На эти деньги давно можно было бы провести въ Сухумъ желѣзную дорогу, а по всей области—шоссе. И понятно, что тогда не могло бы быть рѣчи о нашествіи врага или опасномъ бунтѣ туземцевъ. Но, увы! во всей области только и есть 17 верстъ шоссе, да и то безъ мостовъ, такъ что въ 8 верстахъ отъ города въ рѣчкѣ Келасуръ часто гибнутъ лошади, повозки, товаръ и люди. Съ остальнымъ міромъ Сухумская область имѣетъ сообщеніе или по орлинымъ тропинкамъ черезъ снѣжныя вершины горъ, или моремъ, закрываемымъ для русскаго судоходства во время войны. На берегахъ чуднаго залива нѣтъ ни укрѣпленій, ни пушекъ. Пока одинъ Господь Богъ бережетъ этотъ чудный уголокъ для добраго русскаго будущаго.

## III.

## Въ Сухумской области.

Какъ велика эта область—еще никто доподлинно не знаетъ. Мѣряютъ на глазъ приблизительно сотней тысячъ десятинъ не культивированныхъ пастбищныхъ мѣстъ, да сотней тысячъ втунѣ стоящихъ дорогихъ лѣсовъ. Доподлинно опредѣлено лишь, что туземцу-абхазцу отведены надѣломъ 149 т. и привилегированному сословію пожалованы даромъ 132 тыс. десятинъ. Странно, всѣ тутъ говорятъ: „русское поселеніе въ области немислимо по климатическимъ и этнографическимъ условіямъ ея“, но, въ противорѣчіе къ этой ученой фразѣ, инстинктъ, что-ли, или далеко запрятанный остаточекъ совѣсти заставилъ тутъ и для русскаго поселенія отвести кусочекъ земли. Счетъ, впрочемъ, на эту землю уже не ведется сотнями тысячъ, нѣтъ, такъ просто сотнями. На всѣхъ переселенцевъ, хотя бы и китайскихъ, предназначено изъ милліона десятинъ области 25 тысячъ.

Конечно, первыми откликнулись оголенные турками греки Анатолиі. Они бѣжали отъ меча на утлыхъ лодочкахъ и пристали въ негостепріимномъ открытомъ вѣтрамъ и волнамъ Сухумскомъ заливѣ. Лодки набиты голоднымъ людомъ, взрослымъ и малымъ, какъ сельдами боченокъ. Узрѣли крестъ, крестятся, молятся, радуются...—„А позвольте-ка паспорта?“ обращается къ нимъ мѣстная администрація. Бѣглецы рты разинули.

— Безъ паспортовъ не пустимъ! рѣшили имъ въ отвѣтъ. Скрипятъ перья въ канцеляріяхъ, стража стоитъ на берегу съ заряженными ружьями, чтобъ оградить начальство отъ непріятельскаго флота безпаспортныхъ бѣглецовъ, а небо сердится, мочить и бросаетъ по волнамъ утлыя лодченки. Бѣтъ нечего, топнота одолеваетъ; начали серьезно болѣть. Нашелся, наконецъ, догадливый человѣкъ на берегу: онъ посовѣтовалъ пробуравить лодку и пустить ее погружаться на дно. Пробуравили, погружается; бѣглецы бросились на палубы и мачты, кричатъ, орутъ: „спасите, спасите, тонемъ, погибаемъ!“. Канцелярія написла законъ, по которому людей съ утопающаго судна можно принять на берегъ и безъ паспорта, спасли бѣглецовъ, окружили ихъ стражею и, за неимѣніемъ мѣста въ острогѣ, поселили ихъ на берегу. Дожили они на сыпучемъ песку до полученія лихорадки, а потомъ ихъ свезли не въ больницу, какъ вы думаете, а на отведенные имъ участки...

Этотъ рельефный и очень недавній случай съ греками служитъ характеристикой гостепріимства Сухумской области и по отношенію къ русскому переселенцу.

Идетъ такой караванъ до синяго моря дружно—впереди лошадка, самъ на телѣгѣ, а сзади бычекъ и телка привязаны. А дальше какъ

быть? Посадить на пароходъ лошадь, телѣгу и скотинку — д рожѣ ихъ цѣнности обойдется. Ъхать опять въ телѣгѣ нельзя — дорогъ нѣтъ. Вотъ и рѣшаетъ караванъ: „мы-ста на пароходной палубѣ отправимся, а ты Ванюшка и ты Петрокъ, иди берегомъ, гони скотинку; телѣгу надѣть продать, тамъ смастеримъ новую“... Сѣли и поѣхали, а Ванюшка и Петрокъ погнали скотъ по зеленому бездорожному берегу Чернаго моря. Сколько мѣки приняли добрые парни — звѣрь пугаетъ, рѣчки черныя быстрыя переплывали, по острому камню ноги кололи, одеженку разорвали на безпутныхъ колючкахъ юга, но вотъ и Сухумская область, обѣтованная земля, желанный край. Не вся скотинка вынесла далекій тернистый путь — только четыре головы догнали. Но вотъ господа ѣдутъ на встрѣчу; кони лучше арабскихъ, сбруя блеститъ серебромъ, ружья, кинжалы и грудные патроны жаромъ горятъ отъ отдѣлки изъ дорогого металла. И точно эти господа — наибогатѣйшіе сухумскіе князья — Иналыца и Шерванидзе, фамиліямъ которыхъ только недавно пожалованы тысячи десятинъ земли... Подскакали, прицѣлились и хлопъ изъ пистолета въ парней, снявшихъ почтительно свои русскія шапочки. Парни испугались и кинулись въ воду — дѣло было на берегу моря. Ихъ сіятельствамъ, конечно, не стоило бы ничего еще разъ разрядить свои револьверы и покончить мгновенно бѣдныхъ русскихъ мальчиковъ, но богатые князья Кавказа любятъ забаву. Они слѣзли съ коней и, покалывая парнишекъ длинными кинжалами, загоняли ихъ поглубже въ морскія волны, пока небо не сжалилось и не взяло къ себѣ невинныя души...\*). Скотинку князья взяли себѣ...

Добрелъ, наконецъ, переселенецъ до Сухума. Гдѣ бы тутъ у русскаго человѣка пріютиться. Ступай за городъ въ болото — туда послѣ войны всѣхъ русскихъ жителей изъ города перевели. Про странствіе по присутствіямъ и рассказывать скучно — такъ знакома всѣмъ и каждому эта картина, отвратительная, печальная и убогая картина. Никто, конечно, не встрѣчаетъ русскаго переселенца привѣтствіемъ: „добро пожаловать, васъ-то, русскихъ людей, намъ и нужно для мирнаго упроченія Кавказа за великою общею родиной!“ Совсѣмъ иначе говорятъ съ переселенцемъ:

— Покажи паспортъ! Недоимки есть? Не сбѣжалъ-ли? Подъ судомъ не состоишь? Подъ слѣдствіемъ не былъ? Зачѣмъ пришелъ? Чего же дома-то не жилось? и такъ далѣе.

И тутъ же, безъ стѣсненія, одна свѣтлая пуговица обращается къ другой:

---

\*) Эти сіятельныя убійцы не только не повѣшены, но даже не отданы подъ судъ; вмѣсто наказанія, для нихъ изобрѣтена административная ссылка въ Россію на 5 лѣтъ, безъ лишенія княжескаго достоинства. Не знаю, смѣются или горюютъ правду, что ихъ сылаютъ въ Петербургъ.

— Вотъ бродяга-то народъ — откуда приперъ, а тутъ заразится лихорадкой и околѣетъ... Эхъ, мало ихъ быють нынче...

Нельзя и винить чиновниковъ, что они отводятъ переселенцамъ дебри и болота, потому что, вопервыхъ, отводъ совершается на картѣ; во вторыхъ, образовательный цензъ чиновничества не на столько высокъ, чтобъ они могли понять всю важность, государственную важность, для Кавказа въ русскомъ переселенчествѣ; втретьихъ, вѣдь имъ никто и не указываетъ на эту важность, а напротивъ, всѣ смотрятъ на переселеніе, какъ на появленіе мухъ лѣтомъ—надо хоть извѣстную бумажку на блюдецѣ выставить для пищи, чтобъ отвязаться отъ ихъ назойливости. Это сравненіе, увѣряю васъ, вовсе не преувеличено. Миѣ такъ и говорили:

— Лѣзутъ, что съ ними подѣлаете, распустили ихъ очень...

А когда я сталъ убѣждать и доказывать, что Кавказъ до тѣхъ поръ не перестанетъ давать убытки русской казнѣ, до тѣхъ поръ будетъ грозить бунтами, грабежами и разбоемъ, пока не заселится достаточнымъ количествомъ русскаго трудового люда, что поэтому надо послѣдняго, пока его такъ мало, беречь, какъ сокровище, лелѣять, ласкать, надѣлять всѣми благами въ пустѣ лежащей богатой природы—меня слушали съ снисходительнымъ удивленіемъ и въ отвѣтъ опять повторили:

— Да вѣдь околѣваетъ онъ здѣсь—чего же и тащить его сюда?

Приходить, наконецъ, русскій переселенецъ на отведенное мѣсто. Оно или берегъ заросшаго ручья въ глубокомъ ущельи, или болотная долинка среди высокихъ горъ, или прибрежный песокъ. Дороги нѣтъ—гдѣ вилавъ, гдѣ ползкомъ. Ни хаты, ни готоваго бревна; кругомъ звѣрь и абхазецъ-воръ. Некуда скотину загнать, нечѣмъ прикрыться отъ дождя, не у кого помощи попросить. Одинъ сосѣдъ—лихорадка; забереетъ она, а докторъ во всей Сухумской области одинъ на городъ, на господъ и на поселенцевъ. Дойти до него—недѣля пути по бездорожью, позвать его—не можетъ отлучиться. Фельдшера бы, по, увѣ! онъ назначенъ только для Цибельдинскаго округа (уѣзда), и то по настоянію попечителя, когда полъ-округа вымерло чуть не въ одинъ мѣсяць. Хины бы—негдѣ взять, одна аптека на всю область. Вотъ и вымираетъ переселеніе. Такъ, для примѣра, беремъ одинъ изъ недавнихъ годовъ:

	Родилось. Умерло.	
Въ с. Николаевскомъ . . . . .	13	18
„ „ Анастасьевскомъ . . . . .	19	24
„ „ Георгіевскомъ . . . . .	9	17
„ „ Александровскомъ . . . . .	9	24
„ „ Марвинскомъ . . . . .	1	37 и т. д.

Въ общемъ итогъ въ пяти названныхъ селеніяхъ, состоящихъ изъ 548 душъ, родилось 51, умерло 120, т. е. въ одинъ годъ населеніе убавилось безъ какихъ-либо эпидемій почти на 13 проц. и по этому раз-



счету можетъ окончательно вымереть не далѣе, какъ въ одинъ десятокъ лѣтъ. Впрочемъ, можетъ быть и гораздо раньше, такъ какъ молодое поколѣніе, еще съ люльки зараженное лихорадкой, не растеть, не крѣпнеть, не полнѣть, и, не зная ни крови, ни молока на юныхъ щекахъ, кажется на видъ безсильнымъ карломъ.

— Абхазцы—лѣнтяи, тунеядцы и воры, такъ единогласно характеризуетъ мѣстная администрація туземцевъ.

Характеристика вполне вѣрная, я и говорю: отчего же вы не заставите абхазцевъ попривыкнуть къ обязательной работѣ—пускай бы они несли натуральную повинность, вѣдь ихъ господинъ — русскій пахарь, платитъ подати, исправляетъ разныя повинности, воюетъ, охраняетъ и платитъ кавказскіе дефициты...

— Вѣрно, вѣрно...

— И заставили бы ихъ, абхазцевъ-то, дороги продѣлывать и ремонтировать. Есть у васъ инженеры?

— Есть, есть, какже...

— Дома для русскихъ переселенцевъ готовить Вѣдь и архитекторъ, вѣроятно, у васъ по штату полагается?

— Полагается, полагается; еще бы, безъ архитектора какъ же можно...

— Расчищали бы для переселенца землю...

— Оно, конечно, отвѣчаютъ:—это хорошо бы было, очень справедливо даже, только не въ нашей оно власти...

Такъ и стынуть на языкѣ всѣ добрые планы. А казалось бы многое сдѣлать и должно, и легко. Всѣхъ жителей въ области едва-ли наберется тысячъ одиннадцать, всѣхъ переселенцевъ изъ Россіи—сотни одни, а земли-то, земли, а чиновниковъ-то, чиновниковъ—счесть нельзя.

Поселился русскій человекъ на вольномъ мѣстѣ, пособія никакого, только если голодъ припретъ—дадутъ немного муки, которая въ общей сложности обходится государству, конечно, гораздо дороже, чѣмъ правильно и во-время выданное вспомошествованіе переселенцу при взятіи имъ земли. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые греческіе переселенцы переносили мукой до 400 руб. на семью... Попробуетъ засѣять—кабанъ придетъ и съѣстъ. Ни оружія, ни пороха переселенцу не даютъ, хотя всякій знаетъ, что зимой здѣсь бьютъ кабановъ чуть не въ самомъ городѣ простыми полѣньями—такая ихъ масса на пустыхъ пожалованныхъ мѣстахъ. Купить самому ружье—негдѣ, надо выписывать, т. е. тратить цѣлый мужицкій капиталъ, а чтобъ получить порохъ, отправляйтесь за тридевять земель безъ дорогъ и топчите пороги начальства, чтобы сначала добыть свидѣтельство за скрѣпой и печатью. Для скота другой звѣрь—туземецъ. Онъ и прежде беспощадно кралъ, но все-таки боялся военнаго суда, да у этого суда и военныя власти были друзья, берегли дорожки, тропинки и горные проходы. Но съ той поры, какъ туземцу преподнесли

мировой судъ—онъ повеселѣлъ; судъ сталъ его оправдывать, а онъ красть такъ, что переселенцы сразу очутились безъ лошадей, коровъ и овецъ, моля Бога лишь объ отпускѣ ихъ съ „вольныхъ“ земель обратно въ тѣсную родину. Описывая Сухумъ, я уже приводилъ цифры кражъ до реформы суда и послѣ нея. Теперь поясняю лишь, что это различіе вовсе не происходитъ отъ того, что новый судъ больше открываетъ преступленій. Нѣтъ, поселенецъ всегда заявлялъ о пропажѣ скота съ одинаковою аккуратностью. Но вѣра его въ судъ пропала, безъ суда же жить невозможно и выучился мужикъ закону Линча. Пойдетъ въ поле, нарубить хворосту, полѣнъ, сложить въ горку, на нее вскинетъ вора и зажжетъ... Звѣремъ назовутъ самоуправщика развѣ тѣ, которые и вчужѣ понять не могутъ, какъ у крестьянина умираютъ съ голоду дѣти безъ хлѣба, когда нѣтъ на дворѣ рабочей скотины. Но абхазца трудно поймать. Русскій человѣкъ на горахъ не ловецъ, а туземецъ не хуже серны скачетъ по скаламъ черезъ пропасти. Ни русскій человѣкъ, ни власть его не знаетъ чутъ вьющихся бѣлою ниточкой по горамъ тропинокъ, а туземецъ ихъ знаетъ, какъ грамотный буквы и слоги. Гдѣ догнать, гдѣ найти? Къ тому же, абхазецъ не корыстолюбивъ: укравъ корову, онъ доволенъ, если съѣстъ отъ нея фунтикъ ростбифа, а остальное достанется голодному звѣрю. Абхазцы и мингрельцы до того прославились своимъ искусствомъ по части кражи скота, что сосѣдній съ Сухумскою областью Черноморскій округъ, гдѣ русскаго переселенца болѣе берегутъ—запретилъ жителямъ области переходить границу округа...

Итакъ, что же подѣлываетъ русскій переселенецъ въ области? Голодаетъ, засѣвая по  $\frac{1}{3}$  десятины на душу и посылаетъ нынѣ депутатовъ въ Тифлисъ съ наипокорнѣйшею просьбою о дозволеніи выписаться и уйти изъ благодатнаго края...

## IV.

### Б а т у м ъ.

Климатъ мягче ницскаго, видъ роскошнѣе неаполитанскаго, прелестная бухта, желѣзнодорожный пунктъ соединенія двухъ русскихъ морей—Чернаго и Каспійскаго, лучшая стратегическая постройка для военныхъ судовъ, и, наконецъ, тутъ же начинается вѣрнѣйшая дорога къ Босфору. Вотъ каковъ Батумъ. По обязанности я долженъ описать эту мѣстность, но если вы хотите имѣть сколько-нибудь приблизительно вѣрное описаніе ея, прибавьте къ моимъ словамъ силу вашего воображенія и вѣрьте, что мѣстность эта красивѣе во сто разъ больше, чѣмъ выходитъ изъ подъ моего пера.

Если всмотрѣться въ очертаніе Чернаго моря, то мы тотчасъ замѣтимъ, что Россія уже вышла изъ предѣловъ Кавказа и сдѣлала первый шагъ на знаменитый богатствомъ Анатолійскій берегъ, который англичане не безъ основанія зовутъ второю Калифорніей. Тутъ кавказское побережье, сдѣлавъ глубокій загибъ къ юго-востоку, поворачиваетъ на западъ и въ самомъ загибѣ, окаймленномъ безконечною цѣпью теперь облѣвающихъ снѣгами горъ, на узенькой зеленой долинкѣ расположился Батумъ. Прямо передъ нимъ—голубая вода естественной бухты; за нею горы, покрытыя зеленымъ лѣсомъ, за ними горы еще повыше, закутанныя синевою дали, еще дальше также горы и горы, все болѣе далекія и переходящія въ цвѣта, отъ фіолетоваго до чернаго. Въ заливѣ масса рыбы; цѣлый день идетъ на немъ пальба ловкихъ стрѣлковъ по дельфинамъ, безпечно кувыркающимся поверхъ воды подъ лучами теплаго весенняго солнца. Въ лѣсу на горахъ, на ближайшихъ болотцахъ и озерахъ великое множество дичи—отъ бекаса до вепря. Пароходы, идущіе изъ Россіи съ сѣвера Чернаго моря не могутъ останавливаться въ Поті, гдѣ вода въ дружествѣ съ инженерами поглощаетъ всѣ казенные миліоны, предназначенные на постройку порта; суда становятся въ Батумѣ. Отсюда же идетъ вѣтвь желѣзной дороги къ поті-тифлисско-бакинскому пути, изгибаясь узкою ленточкой по заливу-порту. Наконецъ, рядомъ съ Батумомъ начинается та Турція, которая не производитъ ничего, кромѣ хлѣба, ожидая русскаго товара. Такимъ образомъ, Батумъ—естественное русское окно на Востокъ и Юго-западъ.

А въ Батумѣ между тѣмъ нѣтъ ни одного русскаго купца...

Еслибъ я былъ завоеватель Батума (простите столь нескромную мечту!), я очистилъ бы чудный берегъ залива отъ грязныхъ, вонючихъ и прогнившихъ лачужекъ, назвалъ бы его „московско-купеческимъ“ и роздалъ бы его по частямъ даромъ русскимъ торговымъ фирмамъ съ добрымъ совѣтомъ: „постойте за честь родной страны, заводите здѣсь ваши магазины, склады и амбары! Тутъ вамъ дорога открытая и въ Персію, и въ Индію!“ Потомъ перекрестилъ бы дрянной городъ двумя широкими улицами, назвалъ бы одну „герейскою“, другую „солдатскою“ и кликнулъ бы кличъ по русской землѣ: „вотъ вамъ всѣмъ, кому угодно, даровыя мѣста; кто хочетъ торговать, служить, учить, работать или просто поправить здоровье на благорастворенномъ воздухѣ юга—милости просимъ, стройте дворцы, палаты, дома или лачуги!“ И былъ бы Батумъ русскимъ городомъ, познакомились бы и сосѣдняя Анатолія съ русскимъ человѣкомъ, и точно, дорогой подарокъ русской крови русской землѣ оказался бы брилліантомъ...

Но пока все произошло какъ разъ наперекоръ моимъ мечтамъ. Въ турецкихъ городахъ земля всегда принадлежитъ Богу и султану. Но, видя бѣгство неминуемымъ, турецкая власть въ послѣдніе дни своего

владычества въ Батумѣ за грошъ и пятакъ продавала всѣ улицы, даже площади, всѣ пригородныя земли кому угодно, выдавая на то надлежащіе документы. Да и послѣ, когда Батумъ былъ уже занятъ русскими войсками, такіе документы долго фабриковались въ Трапезундѣ и затѣмъ предъявлялись русской бюрократіи. Последняя поступила такъ: учредила комиссію для разсмотра подлинности этихъ документовъ, утвердила ихъ и послала на дальнѣйшую санкцію. Жульническіе документы воровской турецкой администраціи превратились такимъ образомъ въ крѣпостные акты собственности. Конечно, если бы гг. члены этой кукольной комиссіи были знакомы съ юриспруденціей, они поняли бы, что нельзя утверждать акты отчужденія правительственной собственности, составленные въ моментъ занятія страны во имя закона—войны, на томъ же основаніи, по которому недѣйствительна продажа и залогъ имущества съ момента объявленнаго на него запрещенія, но извѣстно, что у насъ прежде всего не законъ, не умъ, не догадка, а кой-что другое... Вотъ и утвердили. Русскому человѣку некуда и голову преклонить въ Батумъ; русская власть площади размежевываетъ по завѣдомо-фальшивымъ документамъ муллѣ и муэзину, а мулла и муэзинъ шепчутъ себѣ въ бороду: „русскій человѣкъ султана боится!“

А между тѣмъ русскіе люди совсѣмъ не ожидали такого афронта и ринулись въ Батумъ. Первыми пришли чиновники. Ихъ не обидѣли; имъ нашли хорошенькій, сухой кварталчикъ и отвели мѣста. Ихъ надѣлы пошли было даже черезчуръ бойко, такъ что потомъ ихъ домогательства отправились по способу рачьего хожденія и кто-то гдѣ-то нашелъ необходимымъ прикрикнуть: „стой, довольно!“ Появились и простые русскіе люди. При всемъ „искреннѣйшемъ желаніи“ кавказской администраціи, для этого люда не нашлось абсолютно ни одного клочка земли въ городѣ, ни въ центрѣ его, ни на краяхъ. Послѣ многихъ хлопотъ, великихъ мытарствъ, черезъ пять лѣтъ наконецъ оказалось возможнымъ предложить этому люду верстахъ въ двухъ отъ города, но въ городской чертѣ кусочекъ болотца въ 12 десятинъ величиной. Тамъ безъ плана и архитектора выстроили русскіе люди избушки на сваяхъ, не плавали и не ходили по сушѣ по своей улицѣ, познакомились за то такъ близко съ лихорадкой, что на три четверти перемерли сразу, въ одинъ годъ, и такимъ образомъ увеличили населеніе не города, а кладбища героевъ-завоевателей, внесли русскій элементъ не въ новый мусульманскій край, а лишь въ плодородную почву его. Оставшіеся въ живыхъ на половину разбѣжались. Я сегодня былъ въ этомъ русскомъ кварталѣ, шагая чуть не по колѣно въ болотѣ. Стоять тамъ всего-на-всего семь дощатыхъ избъ и въ каждой изъ нихъ охаетъ больная или больной „лихоманкой“; въ рѣдкой изъ нихъ живые хозяинъ и хозяйка, еще рѣже хозяинъ на лицо.

— Гдѣ хозяинъ-то?

— Сбѣжалъ отъ лихоманки!

Разочаровался русскій людъ и другими манерами въ подаркѣ русскаго героя. Русскіе землекопы, каменьщики, столяры и плотники пріѣхали строить батумскую вѣтвь желѣзной дороги. Концессіонеры не капиталисты, денегъ не хватало, дали вмѣсто копѣекъ—росписки, мѣстная аристократія—армяне, греки и жидаы — учили росписки за грошъ, администрація прибавила — взяла да и выслала ропчущихъ мужичковъ по этапу на родину за просрочку паспортовъ... Вотъ тебѣ и подарокъ!

Да, русскихъ людей здѣсь очень мало. Ихъ нѣтъ ни въ администраціи, ни въ торговлѣ, ни въ простыхъ, поденныхъ работахъ. Цивилизація распространяется нами на Кавказѣ весьма страннымъ образомъ. Простой мѣстный разбойничій народъ мы постепенно обращаемъ въ воровъ и мелкихъ мошенниковъ; торговый мѣстный элементъ—въ ростовщиковъ; мѣстную интеллигенцію—въ мечтательную бюрократію. Живительнаго духа нѣтъ и отъ всѣхъ, и отъ всего пахнетъ трупомъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, здѣшнія кавказскія племена, отживающія свой вѣкъ, потерявшія безвозвратно свою исторію, смѣсившіяся на четырехъ десяти языкахъ, забывшія, гдѣ ихъ отечество и что такое отечество—какъ, не трупъ, если имъ негдѣ взять, если имъ не даютъ ни русской мысли ни русскаго языка, ни возможности родства съ русскою широкою великодушною натурой? Для самаго интеллигентнаго туземца небо будетъ представляться вѣчно скудною овчинкой, если около него нѣтъ русскаго человѣка. Все скопится въ немъ въ крайне ограниченное міросозерцаніе армянскаго, мингрельскаго, горійскаго или батумскаго, выражающагося въ беззастѣнчивой элементарной формулѣ для жизни и дѣйствій: „выдумывай получить барышъ, а на все остальное плюй, гдѣ можно — убивай!“ Я знаю, что есть очень много поклонниковъ такой странной цивилизаціи, но убѣжденъ, что не пройдетъ и одного вѣка, какъ ихъ прямые потомки помянутъ ихъ лихомъ и насъ, конечно, съ ними. Доказательства тому и теперь на лицо. Сами мѣстные люди, практическіе, а не теоретики, ходятъ съ печальными лицами при назначеніи къ нимъ въ управители туземца, и радуются, когда онъ замѣняется русскимъ человѣкомъ. Сами мѣстные купцы ни за что не повѣрятъ на слово ни копѣйки иному купцу, какъ русскому. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, пріѣхалъ въ Батумъ представитель русскаго общества транспортированія кладей г. Кочетковъ, и теперь его коносаменты ходятъ среди туземцевъ, какъ денежные чеки безъ малѣйшаго затрудненія для дисконта. Предлагаю милліонъ тому, кто найдетъ, армянскій или еврейскій вексель, столь свободно гуляющій по свѣту съ стойкою, неизмѣнною и незаподозрѣнною цѣнностью. Зайдите здѣсь въ любую канцелярію и присмотритесь, какъ туземецъ инстинктивно мѣняется, когда ему приходится имѣть дѣло съ русскимъ,

а не туземнымъ чиновникомъ: онъ русскому писарю кланяется ниже, чѣмъ туземному начальнику отдѣленія. Всего двѣ-три недѣли тому назадъ батумское купечество—все на подборъ туземное—ходило къ губернатору гуртомъ жаловаться на неимовѣрно великое и нахальное грабительство и воровство въ городѣ, прося смѣны мѣстной полиціи—также почти на подборъ все туземной. Они прямо просили о „дарованіи“ имъ русскихъ полицейскихъ чиновъ, инстинктивно увѣренные, что съ такими будетъ все-таки безопаснѣе жить въ городѣ. Я былъ вчера въ гостяхъ у маленькой пришедшей артели русскихъ рабочихъ. Сидятъ безъ дѣла. Отчего?

— Мѣстный-то рабочій, отвѣчаютъ:—въ половину дешевле нашего, вотъ и берутъ его...

— Чего же вы ждете?

— А вотъ будутъ работы посерьезнѣй—крышу, али фундаментъ класть... тогда насъ позовутъ—своему-то брату не довѣрятъ!

Иду я съ мингрельскимъ княземъ, зову извозчика.

— Этого не надо, замѣчаетъ онъ.

— Отчего? Развѣ не все равно?

— Нѣтъ, это туземецъ, еще задавить кого-нибудь, найдется дальше, тамъ есть русскіе извозчики, совѣтуетъ князь.

У разныхъ конторъ есть коммисіонеры. Видѣлъ я нѣсколько—русскіе долгополые молодцы.

— Зачѣмъ это у васъ всѣ коммисіонеры русскіе? спрашиваю у купцевъ.

— Нуженъ народъ скорый и добросовѣстный, наивно отвѣчаютъ армяне и греки.

У одного мѣстнаго торговца въ кабинетѣ встрѣчаю русскаго писаря.

— Отчего онъ полюбился вамъ?

— Да такъ, знаете, здѣсь надо въ секретѣ держать, какой товаръ выписываешь, чтобъ другой не узналъ, да не перебилъ торговлю.

— Значитъ, русскій-то вѣрнѣе вашего брата?

— Нѣтъ, знаете, а все жъ какъ будто меньше опасаемся за него...

Мингрелецъ полиціймейстеръ заводитъ русскаго околоточнаго.

— Отчего же не мингрельца?

— Въ этой должности, батюшка, нужна строгая аккуратность...

Ломовые извозчики изъ мѣстныхъ никакой работы не имѣютъ, а русскіе ломовики порой рублей пять въ день добываютъ.

— Зачѣмъ, господинъ Янцъ или Швили, вы не протезируете вашимъ компатріотамъ?

— Э-э, отвѣчаютъ Янцы и Швили:—не съ каждымъ же возомъ приказчика посылать, а русскому навалишь, вези и кончено...

И такіе мелкіе факты на каждомъ шагѣ, невольно напрашиваются на подведеніе имъ итога. А итогъ очень простъ. Мы дома, въ коренной

Руси, такъ привыкли къ самобичеванію, что совсѣмъ забыли о „сравнительной“ точкѣ зрѣнія, забыли о томъ, что самый скверный русскій чиновникъ все-таки лучше чиновниковъ многихъ другихъ національностей, что самый отвратительный русскій кулакъ все-таки и честнѣе, и сердечнѣе кулака армянскаго или греческаго, что отъявленный негодай-мѣщанинъ все-таки неизмѣримо лучше и человѣчнѣе мингрельца вора, грека мошенника или горійца разбойника. Да, лучше—я утверждаю это съ полнѣйшимъ и глубочайшимъ убѣжденіемъ, ссылаясь на то, что видѣлъ собственными глазами, что слышалъ отъ многихъ и многихъ и наконецъ основываясь на здоровомъ размышленіи. Человѣкъ не полностью живетъ на свѣтѣ собственными привычками, понятіями и желаніями. Онъ всегда и вездѣ душевно связанъ съ нравственнымъ идеаломъ той среды, въ которой выросъ, къ которой принадлежитъ по роду, имени и племени. И чѣмъ проще человѣкъ, чѣмъ менѣе коснулась его освобождающая отъ чужого вліянія наука и книга, тѣмъ больше онъ радъ этой средѣ. Оттого русскій человѣкъ, самый дурной, испорченный, нѣтъ-нѣтъ да и вспомнить, кто онъ, нѣтъ-нѣтъ да и выкинетъ то великодушную, то честную черту своего народа. У него во всемъ сыщется хотя бы и печально далекая граница воровской привычки; но все-таки граница. Напр., развѣ средній типъ русскаго кулака рѣшится купить убійцу для зарѣза на смерть соперника по карману? Развѣ для средняго русскаго купца злостное банкротство составляетъ типическую черту? Развѣ для русскаго средняго мѣщанина дневной грабежъ есть атрибутъ его облика? Нѣтъ, русскій человѣкъ даже въ образѣ каторжника (вспомните „Записки мертваго дома“ О. Достоевскаго), даже на каторгѣ не лишается инстинктивнаго чувства достоинства и тамъ создаетъ свой „міръ“, свою „громаду“ со взаимною нравственною связью ея сочленовъ.

На Кавказѣ сорокъ языковъ и сорокъ національностей, перепутанныхъ, перемѣшанныхъ и черезполосныхъ. У Кавказа одна будущность—слияніе съ Россіей кровью, сердцемъ и умомъ. Тутъ нужны русскіе люди, какъ цементъ и идеалъ, нужны не столько для блага Россіи, сколько для счастья и воскресенія самихъ туземцевъ. Кавказъ, конечно, богатъ дарами природы, какъ Калифорнія, а мы, несомнѣнно, несемъ въ немъ лишь убытки, погребая въ его нераскопанномъ золотѣ мужицкіе потовые гроши. Но станемъ вѣрить, что близокъ день вознагражденія за протори и волокиты въ нашемъ обогащеніи на счетъ этой грандіозной природы. А гдѣ найдетъ вознагражденіе туземецъ за потерянные десятки лѣтъ, потерянные съ прямымъ вредомъ для его будущаго? Поступивъ въ наши руки, онъ былъ простъ, не хитеръ, былъ разбойникъ по наивности, а не воръ по мошенничеству. Онъ сдался сырымъ матеріаломъ и, побужденный, протянулъ намъ свое оружіе: „на, молъ, бери и дѣлай со мной что хочешь!“ А что же мы сдѣлали съ нимъ? Объявивъ его покореннымъ, оста-

вили ему кинжалъ учиться убивать изъ-за угла; познакомили его съ деньгами, но не научивъ русскому языку, отдали его въ руки ростовщика-армянина подъ покровомъ чиновника-армянина. Чтобъ научить его дисциплинѣ, мы не стали брать его въ солдаты, а образовали изъ туземцевъ милицію, нигуда негодную, подъ начальствомъ тѣхъ же туземцевъ. Уничтожая феодализмъ, понадѣлали такое множество князей, что одни изъ нихъ (въ Кутаисѣ, напр.) попадаютъ подъ судъ за кражу веревокъ, другіе (въ Тифлисѣ) служатъ конюхами, третьи — здѣсь, въ Батумѣ, служатъ судомойкой въ гостинницѣ... Недальновидность ядовито посовѣтовала намъ дать туземцамъ и администраторовъ туземныхъ. Но простой туземецъ давнымъ-давно извѣрился въ своемъ братѣ; онъ и побѣжденъ, и покоренъ, онъ лишился отечества, своей исторической власти—какъ же имъ повѣрить ей лишь потому, что она надѣла мундиръ другого фасона? Какъ въ Болгаріи народъ уважаетъ больше русскаго унтеръ-офицера, чѣмъ болгарина - министра, такъ по той же самой причинѣ кавказецъ презираетъ кавказца. Народъ такимъ образомъ лишень здѣсь воспитанія и въ смыслѣ гражданскаго подчиненія. Вотъ онъ и грабитъ, разбойничаетъ, воруетъ, а придутъ ясные дни для русскаго люда, явится онъ сюда господиномъ, какъ въ свой домъ, построенный русскою кровью героевъ, и найдетъ туземцевъ настолько испорченными, что слиться имъ будетъ трудно съ русскимъ тѣломъ и душой. Что же останется тогда на ихъ долю? Одно безыменное и безслѣдное вымираніе отжившей націи?

Берлинскій конгрессъ приказалъ открыть въ батумской пристани безпошлинный приютъ иностраннаго товара. Европа рѣшила, что очень удобно заполучить на Черномъ морѣ, на самой границѣ между Кавказомъ и Азіатскою Турціей, складъ заграничныхъ товаровъ. У Турціи горы и разбойники, у Кавказа—горы и администрація, значить складъ сулитъ большія выгоды: авось потечетъ на цѣлые милліоны разной контрабанды. Русская коммисія нашла по рѣчкѣ справа и слѣва Батума и сдѣлала ихъ границами порто-франко. Скучный, тихій турецкій городокъ превратился въ оживленный международный базаръ. Въ четыре года населеніе выросло съ двухъ до восьми тысячъ душъ. Дома, амбары, лавченки—превратились въ блестящіе магазины, число которыхъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Цѣнность земли и недвижимаго имущества въ городѣ возвышается грандіозными прыжками. Домъ на набережной при входѣ русскихъ продавался за 4,000 руб., теперь онъ превратился въ гостинный дворъ, приноситъ 29,000 дохода и за него хозяинъ проситъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 270,000 руб. Такъ, г-жа Б. купила домикъ за 500 руб., а теперь не отдаетъ за предлагаемыя 12,000; тутъ молоканинъ приобрѣлъ кусокъ городской земли за 3,000, а годъ тому назадъ продалъ за 18,000 р. и т. д. Въ началѣ турки были недогадливы: они стремились бѣжать и распродавали свои хаты, сады и огороды за безцѣнокъ. Большая половина



ихъ имуществъ перешла бы тогда въ руки русскихъ, но канцеляріи года два-три рѣшала вопросъ о правахъ собственности, а тѣмъ временемъ цѣны на все выросли во сто разъ и городъ лишился надежды имѣть русскаго обитателя... Явилась въ Батумъ вся армія международныхъ обирателей. Пришли испанскіе евреи, царьградскіе греки, турецкіе армяне, французскіе евреи, австрійскіе нѣмцы, нѣмецкіе славяне, анатолійскіе левантійцы, русскіе поляки и прочіе милые люди. Изъ русскихъ прежде всѣхъ распорядился адмиралъ Чихачевъ: онъ взялъ отличный кусочекъ залива, построилъ прекрасный домъ общества пароходства, пристань и амбары. Русскіе пароходы заняли первое мѣсто въ Батумѣ и, можно сказать, что они только и дѣлаютъ этотъ портъ съ виду русскимъ. Затѣмъ явился г. Кочетковъ, агентъ россійскаго общества транспортированія кладей. Молодой, энергичный человекъ завоевалъ довѣріе и отправилъ въ полгода въ Россію до 40,000 пудовъ мѣстныхъ фруктовъ. Наконецъ, прибыла масса чиновъ таможеннаго вѣдомства. Порто-франко доставилъ имъ самый тяжелый и неблагодарный трудъ. Съ одной стороны нѣтъ возможности услѣдить за незаконнымъ провозомъ товара: заливъ широкъ; отойдетъ барка подъ парусомъ, будто бы въ Турцію, налѣво, а скрывшись изъ глазъ за синими волнами, потихоньку повернетъ направо къ живописнымъ дикимъ и необитаемымъ берегамъ Кавказа, тамъ пристанетъ къ песочку, встрѣтитъ друзей, выгрузитъ товаръ, выпьютъ рюмочку, а товаръ уже за чертой таможни и прыгаетъ въ армянскіе магазины, избавившись отъ громадной пошлины. А пошлина, въ самомъ дѣлѣ, такая, что обогатить можетъ. Напр., кусокъ чичунчи стоитъ здѣсь 10 руб. (26 аршинъ), а въ Россіи 30 и 40 руб., потому что одна таможня взыскиваетъ съ куска за 3 фунта шелка, т. е. 15 золотыхъ рублей. Страсть какъ выгодна у насъ контрабанда! Вовторыхъ, есть вѣдь и русскіе товары, идущіе изъ Батума, такъ какъ инженеры и вода продолжаютъ кушать милліоны, щедро отпускаемые на постройку Потійскаго порта. Какъ узнать, что товаръ русскій, чтобъ пропустить безъ пошлины? Нужны или русскій ярлыкъ, или административное удостовѣреніе. И вотъ въ Марсели, въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ стали фабриковать русскіе ярлыки. Очевидно, цивилизованныя націи посоветовались съ юристами, потому что совершили подлогъ такъ, что, по русскимъ пробѣламъ въ уголовныхъ законахъ, онъ не подлежитъ ни наказанію, ни преслѣдованію, ни запрещенію. Напр., хорошія русскія свѣчи посятъ имя Крестовниковыхъ, а изъ Марсели прислали дрянныя свѣчи съ надписью „Братьевъ Крестовниковыхъ“; такими же штукаами украшаютъ вѣнскую мануфактуру клеймами Морозова и проч. русскихъ извѣстныхъ фирмъ. На лондонскомъ чаѣ печатаютъ „Алибеговъ въ Тифлисѣ“ и т. д. А чуть таможня усомнится на счетъ русской крови такихъ марсельскихъ Федотовыхъ—начинается гвалтъ: всѣ евреи и греки кричатъ благимъ матомъ: „Ви не лупите нашу матуську

Рассію, припятсвуйте рашвитію очетенственной манафактура!“ Слѣдуютъ жалобы, прошенія, происки, интриги и шатанія штатныхъ окладовъ... Административныя свидѣтельства, по обычаю, имѣютъ таксу, а благодаря этой таксѣ, вотъ какіе убытки несетъ казна на однихъ фруктахъ. Весь анатолійскій сосѣдній берегъ Турціи—сплошной садъ. Въ теченіи 1882 г. оттуда, изъ заграницы, прибыло въ Батумъ около 4,200 фелюкъ съ фруктами, т. е. приблизительно 600 тысячъ пудовъ яблокъ, орѣховъ, грушъ и проч. вкусныхъ плодовъ, а изъ Батума выпущено въ Россію заграничныхъ фруктовъ менѣе 3 тыс. пудовъ, т. е. выходитъ такъ, будто 8 тыс. жителей Батума скушали въ 2—3 мѣсяца болѣе полумилліона пудовъ яблочковъ, грушъ и персиковъ или около 70 пудовъ скушала каждая персона, начиная съ грудного ребеночка и кончая столѣтнею развалиной. Въ то же время изъ малюсенькой батумской территоріи вывезено безпошлинно, какъ мѣстное произведеніе съ административными въ томъ удостовѣреніями, около 1½ милліоновъ пудовъ фруктовъ. Нельзя тутъ не подивиться гигантскимъ садамъ Батума такъ же, какъ гигантскому аппетиту батумскихъ жителей. По приблизительному расчету казна, благодаря европейскому порто-франко, несетъ на однихъ фруктахъ въ годъ не меньше 300 т. рублей убытка.

А какія великіи неудобства проистекаютъ для мѣстныхъ жителей, для русскихъ коммерческихъ предпріятій и для путешественниковъ отъ этого порто-франко! Батумъ на весь округъ единственное мѣсто, гдѣ туземецъ можетъ продать кой-что и купить необходимое для себя. Возвращается верхомъ, вотъ рѣчка, „стой“. Начинается обыскъ на границѣ порто-франко (въ верстѣ отъ города). Находятъ три аршина бязи.

— Это у тебя что? Контрабанда?

— Умеръ отецъ, у насъ, по обычаю, трупъ въ бязь оборачиваютъ...

— Нѣтъ, врешь, любезный, пиши заявленіе, прошеніе и объявленіе, вноси золотомъ пошлину, истребуй квитанцію, распишись въ шнуровой книгѣ...

А туземецъ только и знаетъ одно русское слово „іюкъ!“. Каждый день эти несчастные являются толпой къ губернатору, кланяются въ ноги, молятъ: „спаси, трупъ гніетъ, зараза будетъ, если не похоронимъ, дозволи провезти 3 аршина бязи!“ Но, увы! военный губернаторъ уполномоченъ закономъ посадить любого смертнаго безъ суда и слѣдствія (хотя бы, напримѣръ, таможенныхъ чиновъ) на 3 мѣсяца въ тюрьму, но не имѣетъ права пропустить безъ пошлины 3-хъ аршинъ каленкора. Онъ конфузится предъ туземцемъ, ходатайствуетъ предъ Петербургомъ, но ни тотъ, ни ни другой понявъ глупость положенія не въ силахъ.

Далѣе. Желѣзная дорога, соединяющая Баку съ Батумомъ, почти готова. Черезъ годъ-два нефть полетится сюда и въ „турусахъ на колесахъ“ (такъ зовутъ на Кавказѣ уродливые керосинные вагоны) и, быть можетъ,

прямо по жолобу. Изъ Батума русской нефти легко соперничать съ американскою почти на всемъ пространствѣ континентальной Европы. Изъ Чернаго моря въ Мраморное, оттуда въ Средиземное рукой подать. Строить въ чертѣ порто-франко склады нефти, значить нельзя пускать керосинъ въ Южную Россію; за чертой—нельзя получать посуду, идущую изъ за-границы; а въ керосинѣ каждая копейка расчетъ для конкуренціи. Правда, что черта порто-франко опредѣлена администраціей, т. е. свободно можетъ быть передвинута куда угодно, свободно, но не безъ помощи столоначальниковъ, т. е. цѣлыхъ скалъ на дорогѣ. Сюда же являлись всѣ тузы нефти, они облюбовали мѣстечко, но вопросъ о чертѣ застрялъ въ канцеляріяхъ и склады ждутъ, не строятся.

Батумъ ожидаетъ великая будущность. Его естественный портъ, въ который человѣкъ не кинулъ ни одного гроша, только по забавной случайности слыветъ маленькимъ: въ немъ 30—40 судовъ могутъ въ самую бурную погоду забыть, что есть зыбкія волны на морѣ, а, скажите, откуда же возьмется на Черномъ морѣ въ одномъ портѣ болѣе этого количества морскихъ домовъ? Еще комичнѣе слышать важныя разсужденія о невмѣстительности батумской пристани для военныхъ броненосцевъ. Какихъ? Русскихъ на Черномъ морѣ нѣтъ ни одного, а если портъ малъ для вражескихъ—и слава Богу! Если же придетъ такой добрый солнечный день надъ матушкой Россіей, когда черноморскій рейдъ заблеститъ огромнымъ количествомъ національнаго коммерческаго флота и могущественнымъ числомъ военнаго—тогда найдутся, конечно, нѣсколько сотъ тысячъ рублей, чтобы перекрестить батумскую бухту каменными волнорѣзами и сдѣлать ее всю тихимъ пристанищемъ хоть на двѣсти кораблей. Батумскій портъ охаяли просто по неумѣнью нашему логично разговаривать.

— Ну, что Батумъ, маленькая жалкая пристань, говоритъ генераль съ кислую гримасой.

— А есть-ли на Черномъ морѣ другой портъ лучше батумскаго?

— Кромѣ севастопольскаго, нѣтъ ни одного... Да, послѣ Севастополя—Батумъ лучшая пристань на всемъ Черномъ морѣ для коммерческихъ судовъ и самый стратегическій портъ для военнаго флота.

У насъ одно изъ великихъ несчастій — отсутствіе опредѣленнаго взгляда на самыя очевидныя вещи. Такъ, одна особа признала Батумъ чуднымъ мѣстечкомъ, построила въ одномъ изъ ближайшихъ къ нему ущелій военный городокъ, соединила его желѣзнодорожнымъ путемъ съ Батумомъ, крѣпостью и моремъ, возвела магазины, амбары для складовъ, а другой послѣдующей особѣ Батумъ не понравился. Она, правда, ни городка, ни рельсовъ, ни амбаровъ не уничтожила, но за то не дала ни пушекъ, ни пороха, и оставила великолѣпныя турецкія укрѣпленія разрушаться подъ вліяніемъ дождей и вѣтровъ.

— Теперь Батумъ могутъ взять почти безъ боя не только турки, а пожалуй, и аджарскіе разбойники, говорятъ батумскія военныя власти.

Другое наше несчастіе—бюрократическій обманъ. Всѣ товары изъ заграницы и Россіи адресуются не въ Батумъ, въ которомъ желѣзная дорога еще не открыта для пассажирскаго движенія, а въ Поті, какъ конечный рельсовый путь Закавказья. Но *de facto* весь этотъ товаръ привозятъ въ Батумъ, гдѣ съ большихъ пароходовъ его перегружаютъ на плоскодонные и отсюда везутъ его въ Поті. Великіе міра сего закрываютъ глаза на эту процедуру жизни и, довольствуясь тѣмъ, что по бумажнымъ реестрамъ товаръ записанъ въ потійской, а не въ батумской таможнѣ, презрительно говорятъ:

— Фи, Батумъ дрянъ, вся торговля предпочитаетъ Поті!

А это разсужденіе уже стоитъ 7 милліоновъ, уложенныхъ на дно морское для невозможнаго потійскаго порта, и отпуска на такое же бесполезное киданіе за окно еще 2 милліоновъ несчастныхъ русскихъ бумажекъ.

А потомъ, куда направится все подземное бакинское богатство — нефть и керосинъ, какъ не въ Батумъ? Откуда лучше и ближе керосину конкурировать въ Европѣ съ американскимъ петролемъ, какъ не изъ Батума? Акціонерный кокоревскій заводъ уже купилъ въ Батумѣ мѣсто для постройки склада; у него уже готовъ свой первый пароходъ для отправки русскаго богатства въ Марсель, Италію или Грецію. Кокоревъ намѣревается выстроить въ Батумѣ грандіозное зданіе и пристань для этой цѣли, одинъ пароходъ только проба, которая, въ случаѣ удачи, почти обезпеченной, приведетъ сюда цѣлый нефтяной флотъ. Г-н. Палашковскій и Бунге, строители батумской желѣзной дороги, уже обзавелись на здѣшнемъ берегу складомъ керосина въ милліоны пудовъ и заводомъ для выдѣлки жестяной посуды подъ петроль, могущимъ готовить въ день жестяныхъ ящиковъ на 6,000 пудовъ. Несомнѣнно, что, вслѣдъ за этими піонерами первыхъ годовъ, явятся болѣе богатые и предпріимчивые люди, каковы, напримѣръ, Нобель, которые прямо перекинутъ жолобъ изъ Баку въ Батумъ и тогда керосинъ потечетъ сюда непрерывною рѣкой. Дай Богъ скорѣе дожить Батуму до этой поры—чѣмъ больше мы возьмемъ съ иностранца денегъ за освѣщеніе, тѣмъ больше будетъ самой прямой прибыли для всей Россіи.

Батумскій участокъ желѣзной дороги, длиной въ 100 верстъ, соединяетъ портъ съ закавказскою линіей Поті-Тифлисъ-Баку. Участокъ сданъ Бунге и комп. по 60 тыс. руб. кредитныхъ за версту и выстроенъ буквально на костяхъ русскаго рабочаго. Непровозное и непроѣздное болото душило ихъ лихорадкой, а тѣ изъ несчастныхъ, которые выжили желѣзнодорожную страду—всѣ поголовно умерли по возвращеніи домой. Таковъ здѣсь климатъ: или здѣсь сдавить желѣзными объятіями самая прокля-

тая лихоманка, или, помиловавъ на мѣстѣ, уѣдетъ съ пришлымъ человѣкомъ, затаясь въ немъ, на его родину и тамъ разыграется, выпьетъ всю кровь и уложитъ въ могилу. Донимала злодѣйка и гг. инженеровъ. Строителя туннеля я зналъ чуть не богатыремъ, а теперь встрѣтилъ почти старикомъ, съ впалою грудью: лихорадка посеребрила волосы, сложила лицо въ морщины и состарила въ годъ на десятокъ лѣтъ. Вооружился противъ строителей и туземцевъ. Мингрельцы, имеретины и гурійцы, избалованные армянско-грузинскою администраціею края, безъ стѣсненія стрѣляли въ инженеровъ, убивали и грабили русскихъ подрядчиковъ и десятниковъ. Имъ русскій судъ, гуманный и осторожный, просто жалокъ и смѣшенъ. Полудикіе, безъ всякихъ понятій о правѣ, во всей своей исторіи, предшествующей соединенію съ Россіей, не знавшіе никакого другого режима, кромѣ силы въ разбоѣ, да ловкости въ воровствѣ, туземные разбойники и убійцы предстаютъ предъ русскимъ судомъ съ десяткомъ ложныхъ свидѣтелей и, доказавъ ими alibi, преспокойно сходятъ со скамьи подсудимыхъ гласно и публично оправданными. Они такъ привыкли къ этому порядку, что прямо считаютъ: „убійство стоитъ десять рублей—по рублю десяти свидѣтелямъ; разбой—пять рублей, по полтиннику лжесвидѣтелямъ и т. д.“ Ужъ дешевле на что же? Отсюда и слѣдуетъ, что Кавказъ гнѣздо разбойничества, грабежей и убійствъ. Несчастное населеніе портится, а армяно-имеретино-грузинская администрація быстро богатѣетъ. Постройка желѣзной дороги была не легкая, но зато она принесетъ несомнѣнно громадную пользу краю и лучше всякихъ военныхъ сооружений обезпечитъ за нами дальнѣйшее владѣніе Батумомъ. Открытіе ея отсрочивалось нѣсколько разъ. Злые языки утверждаютъ, будто строители тянутъ дѣло для того, чтобъ успѣть перевезти даромъ въ свой здѣшній заводъ нѣсколько милліоновъ пудовъ керосина, а языки болѣе снисходительные говорятъ, что у строителей просто не хватало денегъ для веденія срочнаго дѣла. Какъ бы то ни было, но черезъ мѣсяцъ отправится первый пассажирскій и товарный поѣздъ. Любители путешествій и сильныхъ ощущеній могутъ найти въ прогулкѣ отъ Каспія въ Черноморье самыя дивныя во всемъ мірѣ картины природы.

Батумскій климатъ убійственный. На маленькое зеленое приморье спадаютъ всѣ воды съ великаго множества окрестныхъ горъ, лѣсистыхъ и грандіозныхъ. Воды тутъ останавливаются и образуютъ цѣлый поясъ болотъ. Южное солнце поднимаетъ изъ нихъ лихорадочныя испаренія, такъ что въ іюлѣ, августѣ и части сентября Батумъ просто невозможенъ для житія непривыкшаго къ этому климату человѣка. Понятно, что весьма несложныя осушительныя работы могутъ вполне устранить эти неудобства Батума. Широкая канава у подножья горъ по всей незначительной плоскости приметъ въ себя горныя воды, сама можетъ обратиться въ судоходную рѣку и избавитъ окрестности города отъ бо-

лѣтъ, превративъ ихъ въ роскошные сады персика, миндаля, апельсина и лимона. Такія работы уже предприняты и такъ какъ завѣдываніе ими поручено инженеру Жилинскому, осушителю пинскихъ топей, то успѣхъ предпріятія, кажется, можетъ считаться обезпеченнымъ. Одно лишь странно: оздоровленіе Батума не требуетъ милліоновъ, а у насъ на маленькія суммы скудость большая...

Знаменитый Вирховъ уже посѣтилъ Батумъ и его окрестности. Онъ предсказалъ городку будущность Ниццы, общался хотъ сейчасъ прислать сюда до тысячи больныхъ грудью и выбралъ чудное мѣстечко въ ближайшемъ ущельѣ Каранистави, какъ одну изъ лучшихъ въ мірѣ санитарныхъ станцій.

И дѣйствительно, что Генуя, Саванна, Медонъ и Ницца по сравненію съ природнымъ богатствомъ климата и красоты кавказско-черноморскаго берега! Возьмите для примѣра хотъ Сочи, маленькую живописную деревушку на берегу Чернаго моря. Почва деревушки и ея окрестностей сухая, такъ что Сочи не знаетъ ни грязи, ни болотъ, ни лужъ, ни лихорадочной сырости; рядомъ горы, доходящія до 5—6 тыс. футовъ высоты, всѣ покрыты зеленью. Обширные хвойные лѣса, каштановыя рощи, гигантскіе тополи, дубъ, пальма, тута, лавровишня и барбарисъ. Кругомъ растутъ въ дикомъ и культивированномъ видѣ яблоки, груши, сливы, персики, айва, гранаты, вишня, черешня и грецкій орѣхъ. Фиги даютъ два урожая въ годъ; виноградныя лозы достигаютъ до 5 вершковъ въ діаметрѣ, такъ что на нихъ строятъ всячіе мосты черезъ ручьи и рѣчки. Вредныя вѣтры восточный и сѣверо-восточный почти не достигаютъ Сочи, защищенной отъ нихъ горными вершинами. Средняя температура не опускается въ январѣ ниже  $+5,6^{\circ}$  и не возвышается, въ самую жаркую пору, въ іюлѣ, болѣе  $22,1^{\circ}$ , причемъ въ сквернѣйшіе мѣсяцы Петербурга въ Сочи рай: въ октябрѣ  $+15^{\circ}$  и въ ноябрѣ  $+12^{\circ}$ . Теплота морской воды позволяетъ начинать купанье съ половины мая и кончать въ половинѣ октября; открытый берегъ даетъ купающимся славную біаррицкую ванну, смѣняя водяную воздушною ванной; рѣка Сочи, впадающая въ деревушкѣ въ море, разводитъ морскую воду и представляетъ возможность купанья для слабыхъ здоровьемъ или нервами...

Заглянемте теперь въ Сухумъ. Глубокое море замѣчательно регулируетъ климатъ Абхазіи. Вода въ самое жаркое лѣто не нагрѣвается выше  $26^{\circ}$ , въ сентябрѣ  $19^{\circ}$  и въ ноябрѣ  $15^{\circ}$ . Зимы тутъ нѣтъ; вмѣсто нея, непосредственный переходъ въ половинѣ декабря осени въ весну; нерѣдко въ декабрѣ и январѣ теплота на солнцѣ доходитъ до  $+20^{\circ}$ . Оттого въ приморской полосѣ трава зеленѣетъ всю зиму, молодые листья дуба и каштана крѣпко держатся и растутъ на вѣтвяхъ, яблоки, груши и всѣ огородныя овощи цвѣтутъ и зрѣютъ вторично. Съ половины декабря

обыкновенно начинается распускание весенних цвѣтовъ и земляники. Тумановъ и вѣтровъ Сухумъ почти не видитъ совсѣмъ...

Но лучшее изъ всѣхъ мѣстечко Каранистави въ 8 верстахъ отъ Батума. Имъ и прельстился болѣе всего почтенный Вирховъ.

Каранистави не выдуманъ докторами, какъ лучшая санитарная станція; нѣтъ, уже съ незапамятныхъ временъ туземецъ узналъ это мѣстечко, какъ пристань для здоровья и лекарство для больного: тамъ жили, спасаясь отъ лихорадки, богатые турки, туда же стремились всѣ заболѣвшіе отъ міазмовъ нецивилизованныхъ городовъ и ихъ болотныхъ окрестностей. И точно, самое положеніе Каранистави указываетъ, что это ящикъ, созданный Творцомъ для того, чтобъ оберегать въ немъ человѣка отъ всего вреднаго ему. Глубокое покатое ущелье достаточно широкое для застроенной улицы, достаточно узкое, чтобъ защитить отъ всѣхъ вѣтровъ, а открытый видъ на море не допустить тутъ поселиться никакой заразы. Южное солнце и защита отъ холоднаго вѣянія воздуха родитъ здѣсь апельсинъ, лимонъ и чай.

Теперь это живое мѣстечко обратилось въ пустыню. Богатые турки покинули Батумскую область и Каранистави сдѣлался собственностью русской казны. Вѣковой опытъ и рекомендація Вирхова обратили вниманіе мѣстной администраціи на эту прелесть природы и на полезность ея, какъ превосходной санитарной станціи, и администрація рѣшилась... вы думаете устроить тутъ санитарную станцію? Не угодно-ли — рѣшила тамъ выстроить казармы...

## V.

### Въ Ватумской области.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Батума, тамъ, гдѣ желѣзная дорога выскакиваетъ изъ темныхъ корридеровъ скаль, прорытыхъ для ея полотна, а горы уходятъ вдаль отъ моря, закрывая широкую долину стѣнной наноснаго песка—стоитъ мусульманская деревня Кабулеты, а за нею—первое русское поселеніе вновь прибрѣтенной области. Если не ѣхать нарочно въ гости къ поселенцамъ, то ихъ жильё легко совсѣмъ не замѣтить: убогіе шалаши изъ вѣтвей, досочекъ и соломы лишь чуть-чуть высятся надъ поверхностью земли, а два-три домика, въ одну комнату—аристократы поселенія—выглядываютъ столь скромно, занимаютъ такое малюсенькое пространство вдоль, ширь и вверхъ, что нелюбознательный глазъ навѣрно сравняетъ ихъ съ сосѣдними кустиками и пробѣдетъ мимо, не увидѣвъ никого и ничего. Но мы ѣдемъ нарочно, ѣдемъ съ глубоко затаеннымъ убѣжденіемъ, что эти выросшіе въ землю хаты и хижинны

крѣпче башень и бойницъ свяжутъ Кавказъ съ остальною Русью и потому — „стой дроги и милости просимъ въ каждое скудное жилище радостнымъ гостемъ“!

Работа не долгая, только сердца крѣпкаго требуетъ она. Всего двадцать одна русская хата выстроилась тамъ, гдѣ пять лѣтъ тому назадъ погибли въ бою десятки тысячъ русскихъ молодцевъ. За то есть представители всей Россіи. Первая хата — отставной дьячекъ; церковная реформа оставила его за штатомъ; онъ не остригъ пушистую русую косу, не снялъ поповскую шапку, не измѣнилъ рясѣ и подряснику, только въ руки, вмѣсто паникадила, взялъ соху. Попробовалъ бороться въ Харьковской губерніи — тѣсно оказалось — есть мѣсто на Руси лишь крестьянину и помѣщику. Прослышалъ про вольныя мѣста на дальнемъ Кавказѣ и приплылъ въ четвертомъ классѣ со всею семьей въ Батумъ... Есть и баринъ — дворянинъ, какъ сонъ вспоминающій и „души“, и десятины, завѣщанныя отцомъ, размѣненные сначала въ ресторанахъ, потомъ въ трактирѣ, а на послѣдокъ и въ харчевняхъ. Онъ переболѣлъ, помучился, научился работать, терпѣть и молчать. Ему не мила ни ширь, ни свобода земли; новое дальнее мѣсто, гдѣ нѣтъ знакомаго лица, бальзамъ для его души. Пришелъ сюда и мастеровой, которому злая болѣзнь — запой, не пускала жить на фабричномъ весельи и бѣжалъ онъ отъ кабака, какъ отъ сатаны и дьявола. Есть тутъ наконецъ и соль земли — русскій плугарь-мужикъ. Извѣстно, какой мужикъ уходитъ съ родины: не съ мѣшечкомъ по кусочки, а на собственной парѣ сытыхъ лошадокъ для переселенія — мужикъ матерой, дородный, съ бабой умѣлой на всѣ руки, съ телѣгой, могущей безъ поломки объѣхать кругомъ весь шаръ земной, и съ сотнями рублей, запитыхъ крѣпко-на-крѣпко въ штанахъ и рубашкѣ малыхъ дѣтокъ. Такіе и тутъ мужики, новые кабулетскіе жители. Они ушли съ родины отъ обиды — такъ и отвѣчаютъ — „обидно показалось!“ Ихъ никто не ограбилъ, не билъ, не осудилъ напрасно; ихъ обида глубже и поучительнѣе:

— На миру стало жить невозможно, поясняютъ они: — никакой правды не стало: водку выкатятъ, перенются и орутъ, какъ оглашенные. Все, значить, за водку пошло. Не въ терпежъ было, вотъ и задумали попытать другія мѣста.

— И васъ міръ обижалъ?

— Насъ-то? Нѣтъ, насъ ничего, мы подати платили исправно, никого не обижали, намъ міръ ничего, только смотрѣть-то на эти непорядки тошно стало, неумоготу...

Поселились русскіе піонеры сначала по волѣ, по желанію. Выбрали долинку сзади мусульманскаго села, подняли сохой кусочекъ дѣвственной, никогда доселѣ необрабатываемой земли, и вышелъ урожай кукурузы невиданный, небывалый. Даже азиатичный мозгъ туземцевъ, никогда до



той поры, вѣроятно, не замѣчавшій сосѣдней, впустѣ лежащей долины, пошевелился отъ зависти. Кабулетцы въ чалмахъ, въ четыре года отлично познавшіе слабохарактерность русской администраціи, кинулись къ начальству и завопили: „прогоните гяура съ плодородной нивы, нива наша, мы хотимъ пожинать ея обильную жатву!“ У кавказскаго начальства уже давно выработанъ для такихъ случаевъ богатѣйшій прецедентъ преданій. Русскіе молokane—прекраснѣйшій рабочій народъ—вѣдь поселены же на голыхъ скалахъ горъ, плодородныя подошвы которыхъ отданы туземцу—врагу Россіи и слугѣ луны—значить и въ Кабулетахъ нечего церемониться. Въ Батумѣ былъ тогда начальникомъ области г. Комаровъ, котораго уже давно русскіе кавказцы прозвали или Каморидзе, или Камороянцемъ. Мусульманъ кабулетцевъ погладили по головкѣ, научили фактомъ вчерашняго турецкаго подданнаго не уважать русскаго человѣка: землю отдали имъ, а русскихъ переселенцевъ попросили снести свои построечки, разорить начатое хозяйство и избрать себѣ новое мѣстожительство.

— Позвольте, Господи Иисусе, заговорили дьячекъ и баринъ:—вѣдь мы тутъ съ разрѣшенія селились, тутъ намъ изъ казны пособіе пришло, теперь намъ отъ этой татарвы житья не будетъ, вѣдь ихъ тысячи, а насъ десятки, вѣдь эдакъ и съ другого мѣста насъ сгоните...

— Ну, ну, не разговаривать, отвѣчала имъ власть:—переселяйтесь скорѣе сами, а то пришлемъ татарву переселять—хуже будетъ!

Охъ, сказать нельзя, какіе тяжкіе деньки пережила тогда первая русская колонія! Лошадокъ одна-другая—все—горшокъ и бревно, кукурузу, сѣно и соломенную крышу пришлось тащить на рукѣ и плечѣ за нѣсколько верстъ. А мусульмане сосѣди выстроились шпалерами по этому крестному пути и бичуютъ русскаго несчастнаго словомъ, бранью и взглядомъ... Проѣздъ въ воловьемъ вагонѣ до моря изъ срединной Руси, да моремъ по сырой погодѣ подъ вѣтромъ и дождемъ до Батума стоитъ бѣдно-бѣдно съ кускомъ хлѣба, вмѣсто харчей—рублей 50 для одного, рублей сто на малую семью. Пока переселенецъ уже на мѣстѣ успѣетъ пройти сквозь строй подъячихъ и аблокатовъ до генерала и обратно до полученія права на пустой землѣ посѣять хлѣбный колосъ, онъ проѣстъ отдасть, заплатитъ минимумъ столько же, т. е. тоже сто рублей. Но у канцеляріи соображенія и счета свои особенные; она нимало не сомнѣваясь испишетъ по дѣлу о пропавшемъ цыпленкѣ бумаги на пятьдесятъ рублей, съ такимъ же легкимъ сердцемъ она выдастъ здѣсь переселенцу пособіе въ 40 рублей, и то добывая эти деньги изъ самыхъ перекрестно-ординарныхъ суммъ, и то давая ихъ лишь на три года, такъ что переселенецъ еще не успѣетъ конуры построить изъ вѣтвей, не имѣя времени огородъ обнести плетнемъ, какъ къ нему уже являются съ требованіемъ:

„ну-ка, такой-сякой, подавай 13 р. 33<sup>1</sup>/<sub>3</sub> к. за первый годъ, а не заплатишь, снимай кафтанъ, въ аукціонъ пустимъ!“

У большинства переселенцевъ въ ихъ полухижинахъ, полуземлянкахъ нѣтъ ровно ничего, кромѣ настилки соломы, да длинногорлаго кавказскаго кувшина для воды ровно ничего, повторяю—ни скамьи, ни стола, ни печи, ни доски, ни сковороды, ни горшка. Только въ трехъ-четырехъ домикахъ есть гдѣ сѣсть и прилечь, да на полочкѣ виднѣется зачатокъ кухонной убогой посуды. Мѣстность—покатость отъ моря къ болоту. Сзади бьетъ волна, снабжая землю солью и проливая сквозь почву сгнивающую воду въ долину, лежащую ниже уровня моря.

— Что же вы кушаете?

— Хлѣбъ да воду, отвѣчаетъ одинъ, а другой добавляетъ со вздохомъ:—охъ, баринъ, ей-Богу, кваску-то хоть бы попилъ, да и то не изъ чего сдѣлать его!

Спать на такой почвѣ прямо на легонькой подстилкѣ изъ соломы, ѣсть одинъ хлѣбъ, пить одну колодезную воду, да жить въ непривычномъ климатѣ—развѣ это не осужденіе на смерть? Переселенцы переболѣли всѣ, и теперь многіе еще не оправились, хотя здѣсь не весна, а осень губить и бьетъ чужого человѣка жесточайшею лихорадкой. Большею частію болѣли въ повалку цѣлыми семьями. Отецъ лежитъ, мать лежитъ, сынъ бьется въ пароксизмѣ, дочь безъ чувствъ отъ изнеможенія, и у сосѣдей тоже. Жажда мучаетъ, ѣсть захотѣлось, выйти бы надо, да силъ нѣтъ, ноги не держатъ, а помочь некому. Крикъ и стонъ поднимется въ землянкѣ.

— Ой, воды, родимые, испить дайте, подайте водицы, ради Христа!

А въ отвѣтъ только воронъ каркаетъ, накликаая дождь, и безъ того льющійся обильною струей черезъ дырявую крышу, кое-какъ сложенную изъ вѣтвей.

— Думали, пропадемъ совсѣмъ, да Богъ помиловалъ, не далъ умереть безъ покаянія!

— Да неужели ни доктора, ни фельдшера не было у васъ?

— Ни-ни.

— А попа не звали?

— Да гдѣ жъ его возьмешь тутъ русскаго-то?

— Ну, а начальство?

— Оно, ничего, благодареніе Бога, раза два навѣстило, тоже поохало, глядя на насъ...

Многихъ изъ переселенцевъ я засталъ въ полнѣйшемъ бездѣльѣ; сидятъ около хижинокъ и смотрятъ или па дальнія горы, или на близкое море.

— Что же, братья, или праздникъ у васъ сегодня? спрашиваю ихъ, улыбаясь, чтобъ не обидѣть вопросомъ.

— У насъ уже второй мѣсяцъ праздниѣ-то тянется, баринъ, сердито отвѣчаютъ они: — да еще сколько праздновать-то придется сами не знаемъ. Большой у насъ праздниѣ, такого въ другомъ мѣстѣ, чай, и не сподобишься...

— Какой же такой?

— Лошадки нѣтъ, чтобъ въ соху запречь, сохи нѣтъ, чтобъ подъ сѣмья вспахать, сѣмья нѣтъ, чтобъ землю посыпать — вотъ тебѣ и праздниѣ...

— Манны небесной дожидаемся, уныло шутить дьячекъ.

— Ни у кого нѣтъ сѣмянъ?

— Начисто, зерна не найдешь; у турокъ хлѣбъ на базарѣ покупаемъ, только его и жуемъ...

Въ нѣсколькихъ участкахъ я засталъ всю семью вспахивающею землю лопатами; бабы смѣются:

— Вотъ кто бы насъ изъ Рассей увидѣлъ, то-то смѣху-то было...

— Сѣять будете?

— Не чѣмъ.

— Зачѣмъ же копаете?

— Такъ вотъ—сидѣли, сидѣли сложа руки-то, не вмоготу стало, копаемъ, а тамъ что Господь подастъ...

Каждому переселенцу по фасаду проселочной дороги съ одной стороны ея отведено по двадцати сажень, но самая земля еще не отмѣрена. Это очень стѣсняетъ переселенцевъ. Недавній примѣръ перегона съ одного мѣста на другое заставляетъ ихъ сильно бояться обрабатывать и корчевать почву, не утвержденную за ними законнымъ, сколько-нибудь обезпечивающимъ порядкомъ; оттого они и сидятъ праздно— что жъ въ самомъ дѣлѣ трудиться, расчищать землю, когда вся работа можетъ пропасть хуже чѣмъ даромъ — достаться вчерашнему турку? Еслибъ знали границу своихъ владѣнй — огородили бы и пустили бы скотинку пастись, а нельзя городить, нельзя поправить исхудалую лошадь и коровенку, безъ ограды, туземецъ утащить и совсѣмъ разорить. Туземецъ уже давно оправился духомъ послѣ штурма и пораженія; онъ теперь понялъ, что у новыхъ хозяевъ области можно безопасѣе, чѣмъ у турокъ, воровать, грабить и бить наповаль инженера, подрядчика, милиціонера и казака. Приведутъ на судъ и станутъ спрашивать, какъ свидѣтеля, товарища по разбою; онъ скажетъ „іокъ“ и три золотыхъ мундира глубокомысленно попросятъ тоже золотого переводчика передать вору или убійцѣ, что „они свободны“, солдаты сдѣлаютъ на караулъ, разступятся, туземецъ съ достоинствомъ уйдетъ на улицу и проповѣдуетъ:

— Московъ глупъ, его можно обкрадывать, грабить, убивать—все, что хочешь съ нимъ дѣлай!

Туземецъ очень не любитъ переселенца. Пока онъ не обкрадываетъ

его потому, что и украсть-то нечего у русскаго пришлеца, но за то обираетъ иначе. Идетъ русскій мужикъ или баба его съ базара—всѣ басурманскіе мальчишки тотчасъ окружаютъ и съ угрозой каменнаго или палочнаго дождя требуютъ хлѣба. Баба бѣжитъ, разбрасывая направо и налево малюсенькія корочки дорогаго хлѣбца, чтобъ цѣлой да поскорѣй удрать отъ „пострѣлять“. Одинъ переселенецъ не вытерпѣлъ, наказалъ „пострѣлять“ за нанесенную ими обиду его женѣ, такъ сейчасъ явились отцы въ фескахъ и вздули переселенца среди бѣлаго дня, у самой его хаты. Начальство даже провѣдало объ этой пакости и какъ слѣдуетъ въ обращеніи „съ иностранцемъ“ деликатно посовѣтовало „басурманамъ“ не шалить на русской спинѣ. А побитый не только не пожаловался, но и не любитъ вспоминать. Когда сосѣди начали разговоръ объ этой оказіи, у него лицо приняло такое странное выраженіе, что я невольно запомнилъ его, невольно долго думалъ о немъ и теперь, кажется, разгадалъ. Небольшому человѣку каждому знакомо это выраженіе по собственному сердцу. Бываютъ въ жизни обиды, чувствуемыя до глубины души, какъ-то безсознательно глубоко и больно, такъ глубоко и больно, что ихъ нѣтъ силъ ни отдать на судъ, ни передать на ухо закадычному другу: оба не поймутъ этой глубины, оба недостаточнымъ сочувствіемъ только еще больнѣе разбередятъ рану души. Выраженіе лица обиженнаго переселенца такъ и говорило: „э, что тутъ толковать; пойди, заяви, скажутъ: ну, побили, велика важность, а тутъ не боль, а другое щемить... Не поймутъ, буду молчать лучше...“

Нельзя же вѣчно переселенцу жить въ землянкѣ и шалашѣ. Губернаторъ области, г. Смѣкаловъ, выхлопоталъ для переселенцевъ брошенные турецкіе дома въ горахъ, гдѣ зажиточные туземцы проводили жаркіе мѣсяцы лѣта. Когда рѣчь шла объ этихъ домахъ—всѣ они были пусты и безъ хозяевъ. Но какъ только администрація выбрала лучшіе и предназначила ихъ переселенцамъ, тотчасъ объявились ихъ якобы собственники. Слабохарактерная кавказская власть опять уступила нахальству туземца, отдала имъ лучшія постройки, а худшія подарила русскимъ pioверамъ. Полѣзли они на крутыя горы, запыхались, вспотѣли съ непривычки къ крутымъ тропинкамъ, очень понравились имъ дома, только какъ разобрать ихъ, еще пуще—какъ стащить бревна, доски, брусья, стропила и дрань съ такой вышины безъ дорогъ, съ такой крути на долину за десятки верстъ? И вокругъ домовъ-то не повернешься—у самой пропасти стоятъ, а тутъ еще ломать, грузить надо. Тащить на плечахъ и думать нельзя, потому что непривычныя къ скаламъ ноги еле собственное тѣло держатъ на горной тропѣ, самъ спускаешься одинъ, безъ пощи, и то душа въ пяткахъ сидитъ. Думали, гадали, да такъ и махнули рукой. Лишь отъ бездѣлья иной заберется опять въ горы и поглядитъ, не растащили-ли турки его неприступный домикъ.

Поразспросилъ, послушалъ, поглядѣлъ, покручинился я довольно, глядя на это зерно русскаго настоящаго царства въ новой области, зерно, посаженное въ мачиху землю, и собираюсь назадъ.

— Батюшка, баринъ, обступаютъ меня переселенцы:—не увидишь-ли ты нашего губернатора, какъ въ Батумъ приѣдешь?

— Увижу, а что?

— Да скажи ты его милости, чтобъ зерна намъ прислалъ, вѣдь эдакъ-то не посѣмъ ни-ни ничего, съ голоду умремъ, говорить одинъ.

— Тоже вотъ у насъ окружной смѣненъ, говорить, запинаясь, другой.—Вырубовъ прозывался...

— Ну?

— Самъ знаешь, у насъ тутъ ни волости, ни сельскаго правленія, ничего нѣту, всѣ подъ нимъ, подъ окружнымъ, значить, ходимъ...

— Такъ что же?

— Ну, такъ хорошаго бы человѣка назначилъ къ намъ, потому пропасть тутъ ни за что можно... Кабы, значить, русскаго, чтобъ имъ, басурманамъ-то, ужь не очень мирвоилили...

— Хорошо, хорошо, отвѣчаю: — съ радостью передамъ эту вашу просьбу губернатору.

На другой день по возвращеніи въ Батумъ я исполнилъ порученіе переселенцевъ. Г. Смѣкаловъ обѣщалъ назначить новаго окружного въ Кабулеты непременно русскаго, тотчасъ упросилъ г. Чайковскаго, капитана парохода „Михаилъ“, купить въ Одессѣ лучшаго зерна (г. Чайковский не взялъ ничего за доставку этого зерна, привезя его съ первымъ же рейсомъ) и, кажется, согласился съ моимъ планомъ заставить туземцевъ, привыкшихъ къ горамъ, разобрать и свезти внизъ дома, подаренные поселенцамъ, поручивъ имъ эту работу, взамѣнъ отбыванія какой-нибудь другой натуральной повинности. Губернаторъ сдѣлалъ больше, чѣмъ могъ по правамъ своей власти, для упроченія перваго русскаго элемента въ новой области, онъ помогъ и своимъ частнымъ кошелькомъ; но не онъ въ силахъ поставить это дѣло такъ, чтобъ не было больно, не было обидно, не было больше чѣмъ обидно и больно смотрѣть здѣсь на русскаго переселенца русскому человѣку. Русское поселеніе на Кавказѣ дѣло государственное.